

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

ЦВЕТАЕВА И ШТЕЙНЕР

ПОЭТ В СВЕТЕ
АНТРОПОСОФИИ

*«...Связь кровная у нас с тем светом
На Руси бывал — тот свет на этом
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой
Скрытою...»*

*«Россия для всею, что не -Россия,
всегда была тем светом, с белыми
медведями или большевиками,
все равно — тем. Некою угрозою
спасения — душ — через гибель тел».*

Марина Цветаева

Дом-музей Марины Цветаевой

Татяна Кузнецова

ЦВЕТАЕВА

И

*Поэт
в свете
антропософии*

ШТЕЙНЕР

Издательство «Присцельс»

Москва

1996

К 891

Под редакцией
кандидата филологических наук
О. Г. Ревзиной

В оформлении
использованы фрагменты
росписей малого купола
Гетеанума работы Рудольфа Штейнера

© Т. В. Кузнецова, 1996
© Издательство «Присцельс», 1996

ISBN 5—85324—027—7
ISBN 5—86508—058—X

*Посвящается
Людвигу Александровичу
Новикову,
давшему первый
импульс
этой работе.*

Вместо предисловия

«Весь мир, кроме человека, является загадкой, настоящей мировой загадкой, а сам человек является ее решением».

Рудольф Штейнер

«В искусстве дело не в том, чтобы ставить большие проблемы, а в том, чтобы давать большие ответы».

Марина Цветаева

В названии нашей книги сопоставлены два имени: Марина Цветаева и Рудольф Штейнер, да еще есть подзаголовок: «Поэт в свете антропософии». М. Цветаеву уже изучают в школах, но многие ли знают в современном русском мире о Рудольфе Штейнере и созданном им учении — антропософии? Дадим вначале самые краткие пояснения.

Рудольф Штейнер (1861, Кралевич, Хорватия — 1925, Дорнах, Швейцария) — австрийский ученый и философ, чье имя приобретает известность в Европе в связи с его обширной деятельностью в теософском и позднее в антропософском обществе. Вот и встали рядом два этих слова, как будто похожих, но все же разных, причем эта разница очень показательна для личности Штейнера. Теософия и антропософия похожи в том, что они апеллируют к мудрости — софии (это греческое слово мы знаем как женское имя), но они разнятся в том, что в теософии мудрость и знание связываются с древним Востоком, а в антропософии — с западной эзотерикой, в центре которой стоит личность Христа. Рудольф Штейнер начинал как теософ, он возглавлял немецкую секцию Теософского общества, основанного в 1875 году в Нью-Йорке русской писательницей Е. П. Блаватской и американцем Г. Олкоттом. Но в 1913 году Р. Штейнер основал в Берлине собственное — Антропософское общество, и к этому времени в орбите притяжения его учения и его личности оказывается уже и находящаяся в духовном поиске Россия.

И мы не случайно сказали о притяжении личности: поставивший в центр своего учения муд-

рость и духовные силы человека, Рудольф Штейнер и сам был человеком необыкновенным по силе воздействия на души и умы. Один из ярких приверженцев Рудольфа Штейнера поэт Андрей Белый культурную жизнь России начала XX столетия окрестил как «настоящее штейнерианство». И здесь мы сталкиваемся с многократно уже отмеченным и все же удивительным феноменом: зачинавшиеся в Европе социальные, культурные, философские, научные идеи рождали особенный отклик именно в России. Конечно, как в случае с Марксом — можно сказать: лучше бы этого не было, но вот если взять, например, психоанализ, то в недавней книге Александра Эткинда¹ блестяще показано, какое огромное значение имел «русский контекст» в бытии и развитии психоаналитического учения: русские пациенты, русские дружба, русские коллеги. Вот также с теософией и антропософией: всю свою жизнь Р. Штейнер был окружен русскими, и пожалуй, именно в русской душе антропософия находила самый горячий отклик.

Русской по происхождению была жена Штейнера, Мария Штейнер, дочь генерала царской армии фон Сиверса. В русских теософских кружках к 1908 году насчитывалось уже до 1000 членов. В этот год преподавательница одной из Петербургских гимназий Анна Алексеевна Каменская основывает «Русское теософское общество». Работа калужской секции этого общества идет столь успешно, что ей присваивается — с согласия Штейнера — имя основателя антропософии. А созданный в это время журнал «Вестник теософии» печатает все

новые и новые труды Доктора, как называли Штейнера русские антропософы. Интерес к антропософии становится настоящей духовной тягой, о чем пишет в письме к Марии фон Сиверс Елена Федоровна Писарева, активнейший член калужской секции антропософского общества: «Мы в России остро нуждаемся в материале такого рода, который может дать Доктор. Отчаявшиеся люди бросаются на все, что касается Духа»².

Эту особую российскую ситуацию отлично чувствовал сам Штейнер: «Для России есть одно благо и называется оно: теософия». А в письме к одной из первых своих русских учениц известной Анне Рудольфовне Минцловой Р. Штейнер пишет о том, что теософия близка «народной душе», и предрекает духовное возрождение России:

«...В Вашей стране и именно в народе скрыто великое теософское сокровище, которое должно прийти к высочайшему духовному расцвету как раз на востоке Европы благодаря духовной связи с тем, что Вы узнали здесь как истинную теософию, а также как настоящее жизнеутверждающее, надежное в будущем христианство... На Востоке содержание народной души должно путем эволюции привести к выздоровлению всего человечества... Страдания в Вашей стране есть родовые схватки этого душевного содержания...»³

Все в том же 1908 году Анна Минцлова приглашает Р. Штейнера приехать в Россию. Штейнеру показалось это преждевременным: русское теософское движение еще не встало на научную почву. Косвенно правоту Штейнера подтвердила его ученица

Ольга Анненкова, отметив, что в силу особенностей характера русские люди с трудом перенимают западные формы духовной работы и исходят прежде всего из личного переживания антропософских идей. Добавим, что личное переживание можно оценивать по-разному — в том числе и как особое достоинство, на что обращала внимание та же А. Р. Минцлова. Так или иначе, но духовный Синод наложил запрет на въезд Р. Штейнера в Россию. И в Гельсингфорсе (Финляндия) в 1912 и в 1913 годах Р. Штейнер делает два доклада специально для русских антропософов. Здесь мы подходим к важнейшей теме: участие в антропософском движении деятелей русской культуры и отношение к антропософии.

Оно не было однозначным — Штейнер нашел в России не только преданных учеников, но и талантливейших оппонентов. В 1916 году Н. Бердяев пишет статью «Теософия и антропософия в России»⁴, где отдает дань уважения этим течениям равно как и самой личности Штейнера, но все же не видит здесь настоящего пути к свободному духу. Резкими противниками антропософии выступили Д. Мережковский и З. Гиппиус. Для их позиции характерен «парижский эпизод», который описала Маргарита Волошина в своей книге «Зеленая змея»:

«Зинаида Гиппиус, восседая на диване, надменно лорнировала Штейнера как некий курьезный предмет. Сам Мережковский, очень возбужденный, устроил Штейнеру нечто вроде инквизиторского допроса. «Мы бедны, наги, и жаждем, — восклицал он, — мы томимся по истине». Но при этом было

ясно, что они вовсе не чувствуют себя такими бедняками, но напротив, убеждены, что владеют истиной.

«Скажите нам последнюю тайну», — кричал Мережковский, на что Штейнер ответил: «Если Вы сначала скажете мне предпоследнюю»⁵.

Основатель «Мусагета» Э. К. Метнер увидел в Штейнере «теософского пастора, выкрикивающего глубокие пошлости», Ф. Степун в своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся» определил штейнерианство как «своеобразную смесь наукообразного рационализма с вольноотпущенной бесцерковной мистикой»⁶, что совпадает с оценкой антропософии, высказанной в уже упомянутой книге А. Эткинды: «...модный мистицизм с не менее модным наукообразием»⁷.

Но было и другое. «Антропософское общество в России» объединило людей, тяготеющих к философии Вл. Соловьева, и получило его имя. Первый председатель общества Борис Павлович Григоров, адвокат по профессии, вместе со своим сподвижником, поэтом символистской школы Эллисом (Лев Львович Кобылинский) в 1911 году основали кружок по изучению трудов Р. Штейнера и духовной практике (заседания кружка проходили раз в неделю в квартире Б. П. Григорова на Арбате). Эллис организовал также частные курсы для молодежи при издательстве «Мусагет», где вместе с историей поэзии, философией, историей символизма читался и курс антропософии. Поэт Андрей Белый и композитор Рейнгольд Глиэр, переводчик Алексей Петровский и историк культуры Трифон Трапезников, опять-таки Эллис и уче-

ник И. В. Цветаева филолог-классик Владимир Оттонович Нилендер, первая жена М. Волошина художница Маргарита Сабашникова, сестры Тургеневы (знаменитая Ася, жена Андрея Белого и Наталья (Поццо) — для всех этих людей антропософия и личность Р. Штейнера стали огромной вехой их духовной жизни. Об этом и о многообразной деятельности «Антропософского общества в России» вплоть до его запрета в 1923 году рассказали в своих воспоминаниях А. Белый⁸, М. Сабашникова⁹, К. Бугаева¹⁰, А. Тургенева¹¹ и др. А когда смотришь на весь спектр взглядов, увлечений, жизненных сюжетов вокруг антропософии, невольно вновь вспоминаешь Ф. Степуна: «...я с нежностью вспомнил дореволюционную Россию: до чего ж она была богата по особому заказу скроенными и сшитыми людьми»¹².

...И в «Мусагете» часто бывала Марина Цветаева. Большинство из названных здесь людей — это все ее знакомые, порой влюбленные, порой друзья, а иногда и недруги, люди, которые писали о ней и о которых писала она. Взять наудачу: В. О. Нилендер — лирический адресат «Вечернего альбома», с Эллисом связан ряд стихов и замечательная поэма «Чародей», трем сестрам Тургеневым посвящено стихотворение «Осужденные», а Асе — отдельно «Из сказки в жизнь», и кто же не помнит пленительного образа Аси, воссозданного Цветаевой в «Пленном духе», равно как и самого «пленного духа» — Андрея Белого, равно как, наконец, и собственных строк Белого — о «малиновых мелодиях и непобедимых ритмах» Марины Цветаевой.

Лекции А. Белого в «Мусагете» проходили в зале, где на стене висел портрет Р. Штейнера: «Видела его часто, года два спустя в Мусагете, но именно — видела, а чаще — спиной, с белым мелком в руке обтанцовывающего черную доску... Я... с танцующей спины Белого переходила на недвижные фасы тайного советника Гете и доктора Штейнера, во все свои огромные глаза глядевшие или не глядевшие на нас со стены. Так это у меня и осталось: первый Белый, танцующий перед Гете и Штейнером, как некогда Давид перед ковчегом»¹³.

Но настоящая — единственная — встреча со Штейнером произошла у Цветаевой позже, уже в Праге в 1923 году. Мы располагаем достаточно убедительными свидетельствами того, что Цветаева была на публичной лекции Р. Штейнера. И если в «Мусагете» портрет Р. Штейнера созерцала юная Цветаева, то в 20-е годы она была уже зрелым поэтом, сформировавшейся личностью, чье мышление было направлено на те же проблемы бытия человека в мире, которые Р. Штейнер решал в своем антропософском учении. У Р. Штейнера и М. Цветаевой обнаруживаются глубокие и многообразные переклички — это и составляет предмет нашей книги.

Представляется, что тема «Цветаева и Штейнер» обретает особое значение в наше время, когда в России вновь начал пробуждаться интерес к антропософии. Пока что — как было сказано в самом начале — Рудольфа Штейнера действительно знают немногие. Но в 1991 году было вновь зарегистрировано Антропософское общество в России, запрещенное в 1923 году. Оно насчитывает в своих ря-

дах сотни членов. Активно переводятся на русский язык труды Р. Штейнера¹⁴. Начинает осваиваться получившая признание в мире вальдорфская педагогика, основанная Р. Штейнером. На ее основе работают школы и детские сады. И может быть, наша небольшая книга о двух великих людях поможет многочисленным любителям поэзии Цветаевой познакомиться и со Штейнером и найти в его учении ту поддержку и утешение, которую находили и находят в нем многие люди во всем мире. Что же касается Марины Цветаевой — это еще одно видение, цветаевское творчество в свете антропософии.

Я, автор этой работы, по профессии далека от филологии, но судьба сложилась так, что уже долгие годы я занимаюсь М. Цветаевой. А в последние годы — еще и антропософией. И в какой-то момент две этих сферы интересов сошлись. Так возникла эта книга. Я не делаю выводов, я только сопоставляю. Об оправданности, значимости, смысловой наполненности этих сопоставлений судить читателю.

В работе над книгой были учтены многочисленные замечания О. Г. Ревзиной. Объем привлекаемого материала, композиция, способ изложения — все подверглось тщательной переработке в результате столь плодотворного для меня сотрудничества. Пользуюсь случаем выразить О. Г. Ревзиной глубокую признательность и благодарность. А также благодарю моего немецкого друга — Эрдмута Крамер, оказавшую мне неоценимую помощь в поиске литературных источников на немецком языке для этой работы.

*Австрийский мыслитель
и русский поэт на рубеже эпох.
Точки соприкосновения.*

*«Только на одно белое миновение
взглянул на меня Рудольф Штейнер.
Потом он опустил глаза.
Мне показалось это приемом для того,
чтобы сразу увидеть перед собой
духовную сущность человека».*

*Ф. Риттельмайер¹⁵
«Жизненная встреча
с Рудольфом Штейнером»*

*«У Цветаевой был взгляд — внутрь
и в суть и — улыбка-разгадка; улыбка
миновению сотворенному образу.
Перед ее взглядом человек представлял
внутренне обнаженным: она миновению
составляла как бы формулу его
человеческой сути».*

*В. Чирикова «Костер
Марины Цветаевой»*

Глазами современников

Прежде чем приступить к более детальному рассмотрению переключки творчества поэта с идеями антропософии, хотелось бы представить читателю человеческий облик Рудольфа Штейнера и Марины Цветаевой, какими они запомнились окружающим людям. Их особость бросалась в глаза. Обе эти личности одним только своим присутствием уже вносили атмосферу духовной высоты, яркости и значительности, а общение с ними для любого оставалось незабываемым.

В своей книге «Мой жизненный путь» Р. Штейнер рассказывает, что у него с детства был дар «ясновидения» и духовный мир был для него такой же, если не большей реальностью, чем мир физический. Но Р. Штейнер был вынужден молчать об этом даре, поскольку, в отличие от Востока, ясновидение не признается в Европе и такого человека скорее воспринимают как психически больного. «Тайный жар» в груди, который не следует открывать другим, был и у М. Цветаевой: «Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь — любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это — любовь. Я думала — у всех так, всегда так. Оказывается — только у цыган...»¹⁶.

Лишь постепенно она усваивает эту науку — скрывать себя: «До четырех лет я, по свидетельству матери, говорила только правду, потом, очевидно, спохватилась...»¹⁷.

Позднее этот глубокий внутренний мир как у Штейнера, так и у Цветаевой полностью раскрылся в их творениях. Внутренний мир и характер двух этих замечательных личностей не могли не отразиться на их физическом облике. Многие люди оставили свои воспоминания о Рудольфе Штейнере и Марине Цветаевой. Это были очень разные люди, относящиеся к славянскому и германскому менталитету и культуре и, конечно, в большинстве случаев и не знавшие друг друга. Но почти все они — что само по себе примечательно — пытаются составить словесный портрет. В этих портретах поражает то, что отмечают одни и те же черты: «прямоть», стремительность походки, переменчивое выражение лица, особый взгляд. Причем это как раз портреты периода расцвета творчества Штейнера и Цветаевой, когда они уже вполне сложились как личности. Вот каким в первый раз увидела Р. Штейнера Маргарита Волошина: «В залу вошел стройный человек в черном сюртуке. Совершенно черные волосы лежали наискось на его красивом выпуклом лбу, под ними глубоко сидящие глаза. Была какая-то энергия прямизма, которой, казалось, целиком был охвачен этот человек»¹⁸.

А вот впечатления от внешнего облика М. Цветаевой людей, познакомившихся с ней уже после эмиграции. Евгений Тагер пишет о ней так: «Не

изящная хрупкость, а — строгость, очерченность, сила. И удивительная прямизна стана, слегка наклоненного вперед, точно таящего в себе всю стремительность ее натуры»¹⁹.

Примерно то же вспоминает Татьяна Кванина: «Держалась незнакомка как-то подчеркнуто прямо, и во всех ее движениях чувствовалось горделивое достоинство... Я еще не знала, кто передо мною, но ощущение, что вижу человека, к которому слово «незаурядный» применить мало, родилось тут же: это был человек особой, высочайшей породы. За всю мою жизнь и прежде и потом такого ощущения я не испытывала ни от одной встречи...»²⁰

Да и сама М. Цветаева в прозе и стихах не раз упоминала и прямизну стана, и легкую походку, сравнить хотя бы:

Есть в стане моем — офицерская прямота,
Есть в ребрах моих — офицерская честь.

Сентябрь 1920

Поступь легкая моя,
— Чистой совести примета —
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя —

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
— Ты не женщина, а птица,
Посему — летай и пой.

Ноябрь 1918

Второе, на что обращается внимание в словесном портрете и при описании структуры личности, — это подвижность в лице, многообразие его выражений. На лице отражались глубина и интенсивность мыслимого и переживаемого. Таков словесный портрет Р. Штейнера, принадлежащий Ф. Риттельмайеру:

«У доктора Штейнера в течение лекции все время менялось лицо. Он выглядел то совсем молодым, то совсем дряхлым, то мужественно-сильным, то женственно-нежным, то сухим учителем, то одухотворенным Дионисом. Никогда еще не встречал я ничего подобного..., здесь была десятикратная сила превращения — по крайней мере. И никогда не виданный объем внутренних возможностей. Итак, было ли это чрезвычайно большим преобладанием духа над телом? Или чрезвычайно большой полнотой духовной жизни? Быть может, сверхчеловек? Или путь к нему?»²¹

А теперь сопоставим это с тем, что пишет о Цветаевой ее дочь Ариадна Эфрон: «Казавшееся завершенным до замкнутости, до статичности лицо было полно постоянного внутреннего движения, потаенной выразительности, изменчиво и насыщено оттенками, как небо и вода»²².

И снова о Штейнере: «Его бодрствующая духовность излучала так много чистоты, так много убежденной правдивости и скромности, что мы чувствовали себя перед величайшим человеческим событием. Иногда казалось, что взгляд его где-то в глубине слегка увлажнялся, и тогда в нем точно сверкало расплавленное золото... Твердо и прямо он

стоял перед необычайным. Чистая духовность веяла вокруг него. Не было ни одного чувства, которое не изливалось бы совершенно чистым из духа, бывшего здесь таким сильным»²³.

Такое же сильное впечатление произвел Штейнер и на Макса Волошина: «Его лица невозможно передать, потому что оно все — пламя воли, но не неподвижной и не внешней, а горячей изнутри и каждый миг изменяющейся. Каждое его слово чувствуешь обращенным к себе и всегда о главном»²⁴.

О Цветаевой вспоминает Зинаида Шаховская: «Как будто она жила совсем в другом плане, чем все, парила на каких-то высотах, ходила по каким-то вершинам, совершенно не замечая «плана земли», тяжести быта...»²⁵

И наконец — о взгляде. Его особость — опускание глаз и его значение — проникновение в сущность — лучше других уловили Ф. Риттельмайер — в отношении Р. Штейнера и Л. Чирикова — в отношении М. Цветаевой. Их описания мы вынесли в эпиграф к этой главе. Но вот еще одна цитата из Ф. Риттельмайера о Р. Штейнере:

«Когда он переходил к духовному рассмотрению, можно было заметить, что он как бы внутренне подготавливался, и это часто было связано с опусканием глаз... Он сам говорит в своих книгах, что нужно отрешиться от физического тела другого человека для того, чтобы иметь перед собой «высшие члены его существа...»²⁶

О взгляде Цветаевой — целый хор свидетельств. Ариадна Сосинская вспоминает: «Марина Цветаева редко смотрела в глаза собеседника»²⁷.

Ариадна Эфрон: «Глаза, смотрящие мимо собеседника в свою и его даль...»²⁸

Марк Слоним: «Она говорила негромко, быстро, но отчетливо, опустив большие светло-зеленые глаза и не глядя на собеседника...»²⁹

Некоторую переключку с «расплавленным золотом» во взгляде Р. Штейнера можно найти и в мерцании цветаевских глаз, описываемых Галиной Родионовой: «Когда же на близком расстоянии она всматривалась в кого-нибудь, глаза ее делались пронизывающими, часто — колючими, очень редко — ласковыми, иногда они мерцали»³⁰.

Некоторые описания современников доходят почти до совпадений. Маргарита Волошина, впервые увидев Штейнера, вспоминает о мощной птице — орле: «Когда он упругими шагами пересекал аудиторию, его голова в этом движении оставалась в покое, шея была откинута назад, как у орла. Как может человек так ошеломляюще походить на орла? — думала я»³¹.

И тот же образ птицы по-разному варьируется в словесном портрете М. Цветаевой. Валентин Булгаков: «Глаза были серые, большие, острые и смелые, «соколиные»»³².

Ему вторит Николай Еленев: «Глаза странствующего ястреба»³³.

Зинаида Шаховская замечает: «Глаза зеленые, смотрят вперед, как глаза ночной птицы, ослепленной светом»³⁴.

Приведенных свидетельств достаточно, чтобы убедиться: Р. Штейнер и М. Цветаева не просто производили огромное впечатление на современ-

ников, но и природа этого впечатления была сходной и покоилась на близких выразительных чертах физического облика. Но ведь М. Цветаева была младшей современницей Р. Штейнера. Какими они увидели друг друга? Рудольф Штейнер не писал о Марине Цветаевой, но у М. Цветаевой есть несколько интересных замечаний о своих впечатлениях от Рудольфа Штейнера. Они разворачивают две темы: тему творца и творения и тему Бога и Дьявола. То есть М. Цветаева как бы минуя то, что производило такое огромное воздействие на других людей, обращается к самой сути дела: какова природа штейнеровского воздействия? Божественная чистота или дьявольский соблазн? В преддверии возможной встречи со Штейнером в Праге она пишет письмо Л. Е. Чириковой (от 27/30 апреля 1923 года):

«Нынче еду в Прагу на Штейнера (Вы, конечно, о нем слышали: вождь всей антропософии, Ася Белого была его любимейшей ученицей). Хочу, если не услышать, то узреть. По более юным снимкам у него лицо Бодлера, т. е. Дьявола»³⁵.

Здесь показательно, что М. Цветаева обращается к тем же характеристикам — «лицо Бодлера, т. е. Дьявола», которые она использовала при воссоздании в поэме «Чародей» (1914 г.) образа Л. Кобылинского — Эллиса. Эллис был большим другом сестер Цветаевых — и антропософом, учеником Штейнера:

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер — наш чародей, ...

И Эллису в поэме принадлежит такое высказывание:

Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.

Эта двойственность и неоднозначность — можно даже сказать настороженность — проявилась в отношении Р. Штейнера у такого мыслителя, как Франц Кафка: «Что касается доктора, то у меня нет ясности на его счет. Это чрезвычайно искусный в словах человек. Но это же качество относится и к мошеннику, а я ведь не хочу этим сказать, что Штейнер мошенник. Однако это также могло бы быть. Мошенник всегда пытается дешевыми средствами решать трудные проблемы. Проблема, которой занимается Штейнер, наитруднейшая из всех, которые вообще существуют. Это темная пропасть между сознанием и существом, это напряженность между ограниченной каплей воды и бесконечным морем... Штейнер мне слишком далек. Я не смог к нему приблизиться. Я слишком зажат сам в себе»³⁶.

Но если до встречи со Штейнером Цветаева не высказывает собственного окончательного мнения (напомним, она основывается «на более юных снимках» Штейнера), позднее ее точка зрения выскажется с полной определенностью. Эта точка зрения строится на различии творения — и Творца. Творец «рожден в мир — давать ответы», а творение — лишь «вехи к Творцу»³⁷. Об этом она рассуждает в «Земных приметах»: «Творению я несомненно предпочитаю Творца... За пределами творения

(явленного!) еще целая бездна — Творец: весь творческий хаос, все небо, все недра, все завтра, все звезды — все обрываемое здесь земною смертью»³⁸.

И когда в 1933 году М. Цветаева пишет литературное эссе «Живое о живом», посвященное памяти М. Волошина, она по-новому вспоминает Рудольфа Штейнера:

«Макс был знающий. У него была тайна, которой он не говорил. Это знали все, этой тайны не узнал никто... Объяснить эту тайну принадлежностью к антропософии или занятиями магией — не глубоко. Я много штейнерианцев и несколько магов знала, и всегда впечатление: человек — и то, что он знает; здесь же было единство. Макс сам был эта тайна, как сам Рудольф Штейнер — своя собственная тайна (тайна собственной силы), не оставшаяся у Штейнера ни в писаниях, ни в учениках, у М. В. — ни в стихах, ни в друзьях, — самотайна, унесенная каждым в землю»³⁹.

Здесь, как видим, нет и речи о Дьяволе, но зато признается «тайна собственной силы», превратившаяся в единство личности и знания. Таким единством, присущим именно Творцу, безусловно обладала и сама Цветаева. И мы пустимся в путь по вехам их творений, чтобы почувствовать сущность самого Творца.

Встреча и отклик

В апреле 1923 года Рудольф Штейнер приезжает в Прагу, где делает два открытых доклада. Темы

этих докладов — «Вечность души в свете антропософии» (27. 04. 1923) и «Человеческое развитие и человеческое воспитание в свете антропософии» (30. 04. 1923).

Цветаева, жившая в то время в пражском предместье Горние Мокропсы, могла прослушать по крайней мере один из них, о чем говорится в вышеприведенном письме Л. Е. Чириковой. Ее могли сопровождать ее чешские друзья той поры: Анна Антоновна Тескова, либо О. Е. Колбасина-Чернова. Позднее она упомянет в письмах к ним, а также в письмах к А. Бахраху и Б. Пастернаку о своей встрече со Штейнером, которая, очевидно, состоялась у них после доклада. Так, в письме к А. Бахраху от 25 июля 1923 года: «Встречу с Б. Н., как недавнюю встречу со Штейнером, расскажу»⁴⁰. И дважды упоминается так запомнившееся Цветаевой штейнеровское прощание. Вот выдержка из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой от 9 июня 1925 года: «Говорила об Аде и Булгакову, он умница, ему все редкое нравится, о любви ее... (гм! гм! — в детстве...) к чертям. Он улыбался улыбкой *знающего*... И так неожиданно вдруг, об Аде *просто*: «Я ее увижу в церкви» — вне символики, а вышло больше. Мне жутко понравилось, как штейнеровское тогда — мне: «Auf Wiedersehen!»⁴¹. Штейнеровский голос звучит и в письме к А. Тесковой из Франции (Бельвю, от 15 января 1927 года), где она пишет: «Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское: Auf Wiedersehen!...»⁴²

Интересно, что в контексте письма к О. Е. Колбасиной-Черновой также звучит тема «черти — цер-

ковь». И подобно тому как слова отца Сергея Булгакова больше чем символика, штейнеровское «Auf Wiedersehen» для Цветаевой — больше чем обычное прощание. Быть может, его можно понять, как «до свидания» там, в том мире, который и он и она так умели чувствовать своим, родным, в той духовной родине, где «не будет тетрадей, ...где все наши умыслы зачтутся, а поступки отпадут, и где у меня будет время быть собой: чувствовать и излучать»⁴³.

Об этом особом значении штейнеровского «Auf Wiedersehen» пишет в своих воспоминаниях и Клавдия Николаевна Бугаева, чья первая встреча со Штейнером произошла в Гельсингфорсе в 1912 году:

«Я точно помню также, как мы простились. «Auf Wiedersehen», — сказал он, протянув мне руку. Во мне все воспламенилось: как это «до свидания»? Мы что же, увидимся еще раз?... Но он убедительно повторил еще раз: «Auf Wiedersehen». С этим звуком в ушах я ушла от него... Так значит будут новые встречи с Доктором? Но как? Как это будет возможно? Он вернется к себе, в другую страну. А я буду жить в Петербурге. Где же мы увидимся? — Или? — Неясно, как в тумане, передо мной возникали картины. Я никак не могла их ни с чем связать. Но я вспоминаю, что с тех пор спрашивала у других о значении теософии в мире, о ее месте в культуре, о роли антропософского общества. Корень этих вопросов лежал в том, что вызвал во мне звук «Auf Wiedersehen». Так Доктор умел посеять семена мыслей. Одно его слово жило в душе це-

лые годы и постоянно открывалось в своем новом и все более широком значении. Когда его слышишь, оно кажется простым и понятным. Проходил год, и тогда было видно, что оно вовсе не было таким простым, что его нужно было понимать всегда снова и снова»⁴⁴.

Так же ли ярко запечатлелась первая (и единственная) встреча со Штейнером у Цветаевой? Мы не знаем. Но еще раз она вспоминает Штейнера, описывая в письме к Пастернаку от 9 февраля 1927 г. свой сон об умершем 29 декабря 1926 года Райнере Мария Рильке:

«...И зал. На полу светильники, подсвечники со свечами, весь пол утыкан. Платье длинное, надо пробежать, не задевши. Танец свеч. Бегу, овеваю и не задевая — много людей в черном, узнаю Р. Штейнера (видела раз в Праге) и догадываюсь, что собрание посвященных...»

И дальше пишет о Рильке: «Словом, я побывала у него в гостях, а он у меня. Вывод: если есть возможность такого спокойного, бесстрашного, естественного, вне-телесного чувства к «мертвому» — значит оно есть, значит оно-то и будет там. Ведь в чем страх? Испугаться. Я *не* испугалась, а первый раз за всю жизнь чисто обрадовалась мертвому. Да! еще одно: чувство тлена (когда есть) очевидно связано с (приблизительной) деятельностью тлена; Р. Штейнер, например, умерший два года назад, уже совсем не мертвый, ничем, никогда»⁴⁵.

Вот и все указания, какими мы сегодня располагаем, говоря о личной встрече Цветаевой со Штейнером в Праге в апреле 1923 года. Но встре-

ча эта, как кажется, нашла непосредственный отклик в ее творчестве.

Изложим здесь основные мысли первого из докладов Рудольфа Штейнера «Вечность души в свете антропософии»⁴⁶, который, видимо, прослушала М. Цветаева. Доклад был прочитан на немецком языке, которым М. Цветаева владела с детства. Мы приводим обширные цитаты и дословные выражения Р. Штейнера, чтобы дальше проследить переключку со стихотворениями М. Цветаевой этого времени. Р. Штейнер говорит о значении антропософии в повседневной жизни, о том, что опираясь на естественно-научные знания, она идет дальше по пути совершенствования человека. Антропософия способна стереть границу между верой и знанием. Подобно тому как душа ребенка, взрослея, как бы пробуждается от спящего состояния, так и человек может начать свое второе пробуждение, двигаясь от естественно-научного к сверхчувственному познанию.

Человек, просыпаясь утром, включает в свою жизнь волю и благодаря ей может оценить разницу между сном и бодрствованием, т. е. изучить область сна. Подобным образом, включив в себя некий элемент, человек может подняться на вторую ступень по сравнению с обыденной жизнью, сделать жизненный толчок в более высокую действительность и, как с высокой башни, изучать нашу повседневную жизнь. Антропософия и призвана привести в действие это как бы второе пробуждение, сделать способными к дальнейшему развитию наши душевные силы. Антропософия имеет

дело с мышлением, но не с тем, которым владеет современная наука и которое направлено прежде всего на внешний мир. Впечатления от внешнего мира выражаются с помощью *«счета, меры и веса»*. Достигая высшего сознания, мы научаемся осязать духовное и постепенно приходим к переживанию сверхчувственному, переживанию высшего «Я».

Так может быть достигнуто такое состояние душевной жизни, которого обычное сознание не знает — то, что Штейнер называет: «инспирацией». Это состояние пустого бодрствующего сознания, куда входит духовное. Оно достигается при условии *«глубокого молчания человеческой души»*. Штейнер приводит следующий пример:

«Представим себе на миг большой современный город с его рокотом и шумом. Мы сами не придем в нем к покою, мы сами поглощаемся этим рокотом и шумом. Но удалимся от этого большого города — шум и рокот постепенно затихают... Представим себе, что мы пришли в одиночество леса. Мы попадаем в такую тишину, что по отношению к рокоту города мы ее можем обозначить нулем. Тишина вокруг нас, тишина в нас. Но тут может выступить нечто, что не наблюдается в обычной жизни... Теперь представим себе: мы ушли от рокота и шума большого города к тишине ноль и уходим все дальше. И становится тише и спокойнее, чем тишина и покой нуля... Постепенно мы совершенно ясно чувствуем то, что я хотел бы назвать: *глубокое молчание человеческой души*... Это не просто покой, это больше или меньше (как хотите),

чем покой... И если мы пережили это глубокое молчание души, тогда мы в состоянии фактически уже теперь духовно услышать то, что живет в духовном мире. А весь чувственный мир становится как язык, выражающий то, что переживают в духовном мире».

И тогда постигается вечность человеческой души, которую «в обычной жизни исследуют только с одной стороны, говоря о бессмертии (Unsterblichkeit) души. Но это бессмертие души имеет и другую сторону. Прежде для нее было еще одно слово, утраченное современной речью. Вечность души — это не только бессмертие, но это еще и дорожденное (Ungeborenheit). И только из дорожденного и бессмертия составляется полная вечность человеческой души». Она познается не из метафизических спекуляций, а из собственной души, из ее глубокого молчания.

Далее Штейнер говорит о следующей ступени на пути познания высших миров, о силе любви, которую развивает в себе человек, о силе полного смирения. Здесь можно пережить то, чем был человек в предземном состоянии, прежде чем спустился на землю как земной человек. Путем возвышенной любви можно познать высшего⁴⁷ человека, прохождение его через врата смерти. И тогда мы узнаем, что в духовном мире мы снова встречаемся с теми душами, с которыми нас здесь связывали узы крови или узы дружбы и любви. Как и физическое тело, эти узы сбрасываются, и души встречаются уже в настоящем духовном сообществе. И еще одна сторона настоящего познания: когда мы пробуждаемся к духовной жизни, получаем

«второй жизненный толчок», тогда физический мир кажется нам простым сном.

Нужно иметь всего лишь здоровое мышление, чтобы пережить то, что описывает духовный исследователь. Любой человек, живущий обыденной жизнью, в состоянии вступить на духовный путь и проверить то, что ему говорит антропософский исследователь — собственная ли это фантазия или взгляды антропософа так же прочны и основательны, как математические формулы в мире «счета меры и веса».

Духовная наука хотела бы ввести в современную духовную жизнь человечества то, что соответствует множеству внутренних потребностей души. Но сначала мир должен привыкнуть к чему-то новому, как однажды привыкли к мировоззрению Коперника. Антропософия может ждать. Но у нее есть долг перед культурой и цивилизацией — сказать о том, что естественная наука, исследуя душевную жизнь своими средствами, такими как счет, мера, вес, и считая их за идеал, пришла к учению о душе без души.

Мысли Штейнера нашли живой отклик в творчестве Марины Цветаевой, всколыхнули в ней нечто глубоко родственное, свое. Некоторые словосочетания почти дословно перешли в ее стихи, написанные непосредственно после доклада, а именно — в мае 1923 года. Это то, к чему Штейнер неоднократно возвращается в докладе: *«счет, мера, вес»* или *«глубокое молчание человеческой души»*.

В целом цветаевское творчество пражского периода особенно поражает своей устремленностью к высшим мирам, и здесь ее даже можно назвать

«мистиком», который берет свои откровения непосредственно из духовного пласта мира. Это наглядно прослеживается в таких стихотворениях и циклах, как «Ночь», «Час души», «Заочность», «Минута», «Деревья», «Так вслушиваются...» и др.

Циклы «Деревья» и «Сивилла» М. Цветаева завершила еще в 1922 году. Но в мае 1923 года она добавляет к циклу «Деревья» два стихотворения, датированные 7 и 8 мая, а к циклу «Сивилла» — стихотворение «Сивилла — младенцу», датированное 17 мая 1923 года. Тематика и словарь этих новых стихов дают все основания предположить, что они навеяны тем впечатлением и настроением, которые она получила от доклада Р. Штейнера. Приведем эти изумительные по своей глубине и афористичности цветаевские строфы, дающие явную переключку с мыслями Штейнера. Вот завершающие стихи из цикла «Деревья»:

8

Кто-то едет — к смертной победе.
У деревьев — жесты трагедий.
Иудеи — жертвенный танец!
У деревьев — трепеты таинств.

Это — заговор против века:
Веса, счета, времени, дроби.
Се — разодранная завеса:
У деревьев — жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо — как въезд.
У деревьев — жесты торжеств .

7 мая 1923

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами —
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?

Что в вашем веянье?
Но знаю — лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности...

Но юным гением
Восстав — порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля — *казалась* нам.
Чтобы *под вéками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес — не чваниться!
Чтобы *под вéками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!

В поток! — В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923

Вспомним, как Штейнер в докладе описывает состояние души человека, попадающего из шумного города в тишину и одиночество леса. В «глубоком молчании человеческой души» можно действительно постигнуть «под вѣками» те таинства, которые свершаются в духовном мире, подняться на такую ступень душевной жизни, «чтоб вновь, как некогда, земля — казалась нам».

Сравним со Штейнером: «Тогда физический мир покажется нам простым сном». Или: «И тогда весь чувственный мир становится как язык, выражающий то, что переживают в духовном мире».

Позднее, в 1926 году в статье «Поэт о критике» Цветаева напишет:

«Из мира внешнего мне всякое деяние благо, потому что я в нем — нуль. А нужен он мне еже часно. Нельзя о невесомостях говорить невесомо. Цель моя — утвердить, дать вещи вес. А для того, чтобы моя «невесомость» (душа, например) весила, нужно нечто из здешнего словаря и обихода, некая мера веса, миру уже ведомая и утвержденная в нем.

...Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг — видимое. Враг, которого он одолеет только путем познания. Поработить видимое для служения незримому — вот жизнь поэта.

...И какого напряжения внешнего зрения нужно, чтобы незримое перевести на видимое. (Весь творческий процесс!). Как это видимое должно знать! Еще проще: поэт есть тот, кто должен знать все до точности»⁴⁸.

Штейнер в докладе настаивает на том, что духовный исследователь должен входить в определенное душевное состояние при полном ясном сознании — подобно математику, использующему «счет, меру, вес». И снова перекликается со штейнеровской цветаевская формулировка: «Стих только тогда убедителен, когда проверяем математической (или музыкальной, что то же) формулой. Проверять буду не я»⁴⁹.

В 1928 году Цветаева пишет «Поэму Воздуха» — настоящее исследование в поэтической форме переживания души после смерти. Кто знает, не повлияла ли встреча со Штейнером на замысел поэмы? И разве сам поэт не уподобляется здесь «духовному исследователю»? Ведь по мысли Штейнера, любой человек, живущий обыденной жизнью, в состоянии вступить на духовный путь и проверить, что ему говорит антропософский исследователь. Вот Цветаева и написала поэму, по ее же собственным словам, «чтобы узнать, как бывает там».

Приведем теперь стихотворение «Сивилла — младенцу», попутно комментируя его.

Сивилла — младенцу

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение — паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение — паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение — паденье в кровь,

И в прах,
И в час...

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рождение в вес!

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рождение в счет,

И в кровь,
И в пот...

Итак, отметим: *паденье* в дни, и в прах, и в час, *рождение* в вес, в счет, и в кровь, и в пот... Это все

о земном рождении. Но с другой стороны, земной смерти как таковой не будет:

Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.

Но ўзришь! То, что в мире — век
Смежение — рождение в свет.
Из днесь —
В навек.

И, противопоставляя *тот* мир этому, дает тот мир как некое пробуждение: рождение в свет. Из днесь — в навек...

Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
— Восстанье в день.

17 мая 1923

Невозможно не видеть глубокой содержательной близости этого стихотворения с тем местом в докладе Штейнера, где он говорит о вечности человеческой души и двух ее сторонах — бессмертии и дорожденном. Цветаева называет «координаты» полной вечности души: «Из днесь — в навек».

Кроме стихотворений, написанных Цветаевой, как нам кажется, под непосредственным впечатлением от доклада Штейнера, можно еще отметить некоторые, написанные ею как в мае 1923 года

(«Так вслушиваются...», «Ночь»), так и немного позже — в августе 1923 г. (цикл «Час души»), из которых ясно видно, как глубоко затронула ее эта тема.

В мае 1923 года создается цикл «Так вслушиваются...». Вот его начало:

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь — до потери чувства!

Эти строки явно перекликаются со штейнеровским: «И тогда мы в состоянии духовно услышать то, что живет в духовном мире».

Стихотворение «Ночь» датировано 12 мая 1923 года:

Ночь

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь — как в очи.
Это — разверстые шлюзы крови!
Это — разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, — наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир — как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда, ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки

Раковиную, — сплошной душою!...

(Час, когда в души идешь — как в руки!)

Выход из «зримости», «затишье времени» снимают пути повседневности. Это торжество «пустого бодрствующего сознания» (по Штейнеру), открытого для великих прозрений. Причем заметим, что даже лексика у поэта и духовидца здесь почти совпадает: «мы в состоянии... духовно услышать» (Штейнер) — «больше не весим, не дышим: слышим» (Цветаева), «тише, чем тишина нуля, глубокое молчание души» (Штейнер) — «мир обернулся ушною раковиною, сосущей звуки, сплошной душою!» (Цветаева). Это час «тишины вокруг нас, тишины в нас» (Штейнер) — час «слуховых верховий» (Цветаева).

И наконец — цикл «Час души», написанный в августе 1923 года. Приведем второе из стихотворений этого цикла:

В глубокий час души,
В глубокий — ночи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи.)

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить — чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы — снегом.
(Атлантский вздох души,
Души — в ночи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

Вершить рост души — дело необходимое и трудное — сродни «атлантскому вздоху души», и дело совсем несладкое: «Сладчайший плод, душа, горчи». Вспомним, что Цветаева всегда предпочитала «полноту страдания — пустоте счастья». Час Души для нее подобен ножу хирурга, который только через боль приносит излечение. Об этом — в третьем стихотворении цикла:

Беда моя! — Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, — дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. — Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа 1923

У Штейнера часто повторяется мысль о том, что проблемы духа являются наивнутреннейшей потребностью души любого человека. И это же утверждает поэт, для которого встреча с мыслите-

лем не могла пройти бесследно. Импульс, полученный от этой встречи, взрастил множество глубочайших и значительнейших строф.

Параллельные миры

*«С XV по XIX века человечество было
против Дракона бессильно. Это было
время, все более и более подпадавшее
совершенно вере в материальный мир.
Эта эпоха должна быть преодолена.
Должна начаться эпоха Михаила,
который побеждает Дракона.
Ибо сила Дракона стала велика!»*

Рудольф Штейнер

*«Во мне нового ничего, кроме моей
поэтической (dichterische)
отзывчивости на новое звучание
воздуха».*

Марина Цветаева

Современность

По учению Штейнера, духовная наука помогает прояснить вопрос, почему, начиная с последней трети XIX века и по сей день, на земле так обостряется борьба между силами света и тьмы, силами материализма (которые Р. Штейнер называет «Драконом») и силами, преодолевающими его и связывающими человека с духовным миром (силами Михаила Архангела). Михаил — этот дух человеческой свободы — с 1879 года подходит к ближайшей сверхчувственной сфере земли, где одерживает величайшую духовную победу в битве с Драконом. В результате чего вся воинственность XX века определится тем, что на земле с этого года будет воплощаться множество темных душ, продолжающих изживать свою карму уже в материальной сфере. И усиленная борьба с силами света, ведомыми Михаилом, будет продолжена на земле. Отражение этой борьбы на рубеже веков и позднее можно наблюдать во всех областях земной жизни: в искусстве, культуре, социальной сфере, науке. Если коснуться только поэзии, то сразу же ощутимо чувство, насколько усложнился язык, ритм, само построение стиха у поэтов XX века по сравнению с гармоничной завершенностью поэзии века XIX.

У Цветаевой это «новое звучание воздуха» проявляется с огромной силой. В своем эссе «Поэт и время» она размышляет о том, что «современность (в русском случае — революционность) вещи не только не в содержании, но иногда вопреки содержанию, — точно насмех ему. Так и в Москве 20 г. мне из зала постоянно заказывали стихи «про красного офицера», а именно:

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет — корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В октябрьские смертные дни.

Есть нечто в стихах, что важнее их смысла: — их звучание. И солдаты Москвы 20 г. не ошибались: стихи эти, по существу своему, гораздо более про красного офицера (и даже солдата), чем про белого, который бы их и не принял...»⁵⁰.

В одной из своих лекций 1922 года Штейнер говорит о современности: «В наивысшей степени реальной стала борьба Михаила с Драконом впервые в наше время. Одновременно с кульминацией власти Дракона происходит, на рубеже XIX и XX веков, внедрение Михаила, с которым мы можем себя связать. Однако, насильно он не подступает к нам, ибо сегодня все должно исходить из человеческой свободы. Дракон же подступает с насильем, он требует высшего послушания. Сравните это с авторитетом папы — они почти одинаково велики. Отовсюду глядит на нас Дракон. Против этого нет другого средства, кроме возможности связать себя с Михаилом, т. е. пронизать себя в ис-

тинном познании духовным тканьем и проникновением в существо мира»⁵¹.

М. Цветаева не писала ни о Драконе, ни о Михаиле, но, как и Штейнер, она говорит об активной позиции личности по отношению к своему времени, внутренней свободе поэта от всякого давления:

«Быть современником — творить свое время, а не отражать его. Да, отражать его, но не как зеркало, а как щит. Быть современником — творить свое время, то есть с девятью десятками в нем сражаться...

Современность сама по себе отбор... Это есть воздействие лучших на лучших, то есть обратное злободневности: воздействию худших на худших.

Современник: всегда меньшинство.

Современность есть совокупность лучшего»⁵².

И далее: «Я от будущего заказы принимаю непосредственно. Что все то давление (церкви, государства, общества) перед этим, изнутри»⁵³.

Чувство правды

Когда для поэта, писателя или духовидца открывается духовный мир и наступают такие минуты вдохновения, что «всякая строчка — сотрудничество с «высшими силами»⁵⁴, тогда все они начинают говорить на одном языке — языке высшей правды. «Враждуют низы, горы сходятся», — утверждала Цветаева. И этот язык делается понятным и читателю, чувствующему в нем бесспорную истину.

В одной из лекций 1910 года Штейнер задает вопрос: «Почему антропософские истины кажутся понятными и правильными стольким людям, несмотря на то, что люди сами мало могут разобраться с духовных позиций в том, что видят в повседневной жизни?» И сам же отвечает: «Это происходит оттого, что человеческая душа предрасположена к правде, а не к неправде, она устроена так, что как бы инстинктивно чувствует, когда высказывается правда. Существует чувство правды, которое имеет в душе бесконечную ценность потому, что бесконечно высока та духовная вершина, с которой могут быть увидены необходимейшие истины о человеке»⁵⁵.

Так же определенно высказывалась о правде и Цветаева, считая, что «единственная обязанность на земле человека — правда всего существа»⁵⁶.

Одновременно и Р. Штейнер и М. Цветаева говорят о том, как непросты пути правды к сердцу человека. Штейнер неоднократно предупреждал, что «сверхчувственное» — это та «область, где в действительной жизни так легко соприкасаются высочайшие вещи с бессовестным шарлатанством и познание с суеверием, и где они так легко могут быть смешаны»⁵⁷.

Об искажении правды пишет М. Цветаева: «Ни одна правда (из царства Там) не может не сделаться ложью в царстве Здесь. Ни одна ложь (из царства Здесь) не может не сделаться правдой в царстве Там... Правда — перебежчица»⁵⁸.

Главные требования духовного ученичества, которые выдвигал Штейнер, — это душевное здо-

ровье, чистота и упорядоченность мышления, непредвзятая отдача себя явлениям мира, чтобы все личные чувства и переживания становились лишь поводом к познанию, превращались в «очи души», прозревающие истину. И еще необходимо доверие к самой силе истины, необходимо предоставлять духу определять себе направление. Это буквально перекликается с цветаевским: «Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!»

В книге «Теософия» Рудольф Штейнер так пишет о человеке, ищущем познания истины:

«Большая радость уже не заставит его только ликовать, но сможет быть для него вестницей свойств мира, которые от него до сих пор ускользали. Она оставит его спокойным и благодаря спокойствию для него раскроются признаки существ, приносящих радость. Горе уже не наполнит его всецело только скорбью, но сможет рассказать ему, какие свойства имеет существо, причиняющее горе»⁵⁹.

Цветаева-поэт не была и не стремилась стать учеником тайноведения, ее поэтический дар присудил ей совсем иные задачи. Но, может быть, во многом она безотчетно следовала своим путем посвящения и иногда достигала таких духовных прозрений, которых добиваются многолетними усилиями в чтении Штейнера, духовной практикой или какими-то специальными упражнениями.

Многие современники — в том числе более других понявший Цветаеву М. Слоним — отмечали ее исключительный аналитический ум. Да она и сама осознавала это. Показательно, как молниеносно

она возразила Максу Волошину на его реплику о том, что влюбленные глупеют: «Макс! Я от всего умнею! Даже от любви!»⁶⁰ Ведь именно так чувство становится поводом к познанию, о чем говорилось выше. Цветаевский ум был направлен на познание других и познание самой себя. Вот что она пишет о непонимании ее рефлексии:

«Стоит мне только начать рассказывать человеку то, что я чувствую, как — мгновенно — реплика: «Но ведь это же рассуждение!»

Чувства, для людей, это какие-то простоволосые фурии, нечто не в них происходящее: на них обрушивающееся. Вроде каменного обвала, под которым они сразу — в кашу!

— иначе:

Четкость моих чувств заставляет людей принимать их за рассуждения»⁶¹.

Чувства были известны М. Цветаевой во всех их нюансах и оттенках:

От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

Но если Штейнер знал и говорил, как нелегко найти словесное выражение для переживаний сверхчувственного, то М. Цветаева как великий поэт эти слова находила. У нее «две любимые вещи в мире: песня — и формула. (т. е. стихия — и победа над ней!)»⁶².

Победа над стихией выливается в формулу, ко-

торой мы привыкли доверять в математике. Вот так же мы доверяем и цветаевским формулам. Естественное чувство правды подсказывает нам, что здесь есть сила истины, отточенность чувствующего мышления и умного сердца — именно все то, чего ждет от человека духовная наука.

Любовь

Возрастание любви в мире Штейнер считал миссией нашей Земли — без этой миссии Земля не сможет прийти к цели своего развития. Штейнер выделял три важнейшие силы жизни — мудрость, могущество и любовь. Он показывал, что любовь имеет совсем иную природу, чем мудрость и могущество. Если мудрость и могущество укрепляют человеческое «Я» для будущего, любовь — уплата долга за прошлое. По Штейнеру, Христос заповедал любовь погруженному в эгоизм человеку как побуждение к преодолению себя и силу, чтобы побеждать зло. Штейнер говорит:

«Поэтому мы поймем дела высокоразвитых людей (почему они так много отдают); ибо высокоразвитый человек является большим должником перед прошлым. Люди инстинктивно знают, что от дел любви они в будущем ничего не получают для своего «Я». Душа должна быть уже очень подвинутой вперед в своем развитии, если ей доставляют радость действия любви, от которых сама она ничего не имеет, но мир становится богаче от наших дел любви»⁶³.

В стихотворении 1920 года М. Цветаева пишет о переполняющем ее даре любви:

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленатых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Согласно духовной науке, люди, наделенные даром любви, просто вынуждены ее протратить, чтобы не задохнуться. Так, нельзя жить спокойно, не уплатив прошлые долги. Для Цветаевой любовь и душа — почти тождественные понятия. И главное в любви — отдача:

«Жить в другом — уничтожиться. Мне не жаль, я только этого и жажду, *но* — поймите, другой влечется к моему богатству, а я влекусь — через него — стать нищей. Он хочет во мне быть, я хочу в нем пропасть»⁶⁴.

Щедрость ее души не знала предела:

«— О, если бы я была богата!— Милый 19-й год, это ты научил меня этому воплю!... О, какое поле деятельности для меня сейчас, для моей ненасытности на любовь. Раньше, когда у всех все было, я все-таки ухитрялась давать. Теперь, когда у меня ничего нет, я все-таки ухитряюсь давать...»⁶⁵

Цветаевский дар любви «с этой безмерностью в мире мер» толковали и толкуют превратно. Она часто не находила отзыва, оттого и стремилась уйти от «рева рыночного». Получалось совсем по Штейнеру: люди в подсознании знают, что за поступки, совершаемые из любви, они ничего в будущем не имеют, поэтому в мире так мало любви. И все же

именно любовь делает людей нужными друг другу и придает смысл жизни:

«Без любви мне все-таки на свете не жить, а вокруг все такие убожества!»⁶⁶

«Никому в голову не приходит — любить! А у меня только это в голове (именно в голове!), вне этого мне люди не нужны, остальное все есть»⁶⁷.

И так было на протяжении всей ее жизни, ведь у любви такое свойство, что чем больше ее отдаешь, тем больше она прибывает. Цветаевское отношение к любви оставалось неизменным:

«Моя нужда от человека — любовь. *Моя* любовь, и если уж будет такое чудо, *его* любовь, но это — как чудо, в чудном, чудесном порядке *чуда*. Моя нужда от другого — его нужда во мне, моя нужность (и, если можно, необходимость) — ему, моя возможность любить в *мою* меру, т. е. *без* меры.

— Вы мне нужны как хлеб — лучшего слова от человека я не мыслю. Нет, мыслю: — *как воздух*.»⁶⁸

Сама собой снова возникает параллель. Ф. Риттельмайер вспоминает, как, поблагодарив однажды Штейнера за помощь, он услышал от него в ответ такие слова: «Это я благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность помочь... Единственная любовь, которую можно ко мне проявить, состоит в том, чтобы меня звали и днем и ночью — всегда, когда во мне нуждаются»⁶⁹.

Точно так же чувствовала любовь и Марина Цветаева, когда писала Бахраху: «Убедите меня в моей необходимости — роскошью быть я устала. Не необходима — не нужна, вот как у меня»⁷⁰. Об этом

— ее стихотворение 1936 года, предельно простое и ясное. «Надоба» человека в другом — это животворящая сила и готовность к полной отдаче.

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба во мне.

Что для oka — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя, и радуги,
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с язвою
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

В «Философии свободы» Штейнер писал: «Говорят: любовь делает слепым к слабостям любимого существа. Но можно сказать и наоборот: любовь открывает глаза как раз на его преимущества. Многие проходят мимо этих преимуществ, ни-

чего не подозревая и не замечая их. Но вот же один видит их, и именно оттого в душе его пробуждается любовь»⁷¹.

И такое же — вопреки общепринятому — мнение у Цветаевой: «Любовь — слепая». Нет, — зряча и заставляет видеть»⁷². Причем для нее любить — тоже означает увидеть в человеке именно его лучшее: «Любить — видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители. Разлюбить — видеть вместо него: стол, стул»⁷³.

Штейнер рассматривал любовь как переживание другого в собственной душе и именно это переживание считал самым сильным в чувственном мире. Он называл любовь «моральным солнцем мира», говорил, что с любовью в мир изливается творческое начало. Через истинную любовь человек может отрешиться от собственной самости, преодолеть эгоизм, полностью преобразить себя. Антропософия рассматривает встречу людей в любви как кармическое деяние с участием богов, как переживание пробуждения. Но это происходит лишь тогда, когда человек жертвует на алтарь встречи что-то свое, не отрекаясь в то же время от собственной свободы. При настоящей встрече люди приходят к истинному образу друг друга, а не проходят один мимо другого, словно призраки. Нужно лишь помнить, что «человек по-настоящему невидим, что мы живем среди невидимых людей»⁷⁴.

Речь идет о том, что духовно-душевное существо человека, его глубина отнюдь не определяется физическим обликом человека. Это всего лишь — скажем по-цветаевски — «земные приметы», кото-

рые могут помочь познать истинный образ, но, с другой стороны, могут и ввести в заблуждение. Эту же мысль еще в ранней юности высказывает М. Цветаева в письме к Волошину от 18 апреля 1911 года: «Тело другого человека — стена, она мешает видеть его душу. О, как я ненавижу эту стену!»⁷⁵

Для того, чтобы встреча людей по-настоящему состоялась, необходим повышенный интерес к другому человеку. Цветаева пишет об этом так:

«Любовь это всего лишь большое ухо. (Мне хочется сказать — слух рыбы), потому-то она и слепа: ничего не видеть (знать), чтобы все слышать (понимать)»⁷⁶. То есть «большое ухо» — это как локатор, настроенный на другого, повышенный интерес, обостренный слух, чтобы не упустить малейших сигналов... Удивительно, что и у Штейнера есть подобное сравнение: «Процесс сверхчувственного познания требует участия всего человека: последний как бы целиком становится воспринимаящим «глазом» или «ухом»⁷⁷.

Антропософия учит, что в любви настоящей человек восходит, пробуждается к другому человеку, находит его истинную духовную сущность. У Цветаевой тоже есть свой образ восхождения любви от простого к сложному: «Собака, любящая за то, что глядят, выше кошки, любящей за то, что гладят, и кошка, любящая за то, что гладят, выше ребенка, любящего за то, что кормят. Все дело в степенях.

Так, от простейшей любви за сахар — к любви за ласку — к любви при виде — к любви не видя (на расстоянии), — к любви, невзирая (на нелюбовь),

от маленькой любви *за* — к великой любви *вне* (меня) — от любви получающей (волей другого!) к любви берущей (даже помимо воли его, без ведома его, против воли его!) — к *любви в себе*»⁷⁸.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться: любовь и секс. Как соотносятся между собой эти два понятия? У Штейнера есть мысли и на эту тему. В докладе 1912 года «Миссия Земли»⁷⁹ он говорил, что материализм нашего времени связывает вместе эти два столь различных понятия только потому, что они при известных условиях встречаются вместе. Но всеобъятность любви и сострадания совершенно несводима только к сексуальному между мужчиной и женщиной — это пагубное заблуждение современного мира. По образному выражению Р. Штейнера, это заблуждение равносильно тому, как если бы понятие «локомотива» связали с понятием «раздавленного под локомотивом».

У Цветаевой мы тоже находим мысли, которые показывают, что и она не отождествляла эти два понятия, считая любовь, как уже говорилось, прежде всего жизнью души. И вот ее признание о себе как женщине:

«Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало-слабо-налетами-отражением-отображением. Скорей тоска *по*, — *чем!* Для любящего *меня* — женщина во мне — дар. Для любящего *ее* во мне — для *меня* — неоплатный долг. Единственное напряжение, от которого я устаю, и единственное обещание, которого я не держу. Дом моей нищеты. О, я о совсем определенном говорю, — о лю-

бовной любви, в которой каждая первая встречная сильнее, цельнее и страстнее меня»⁸⁰.

Цветаева пишет об обманчивости физических примет любви, о том, что любовь, развиваясь, переходит в новое качественное состояние: «Не будем торопиться... Не позволяйте приметам обмануть себя: руки и губы — нетерпеливы, это дети, надо, чтобы они умели терпеть (чтобы они не мешали нам), ведь не они (губы и руки) важны, не они берут верх. Это будет лишь переход»⁸¹.

Цветаевская любовь — это скорее любовь Психеи, а не Евы. Это прежде всего чувство сострадания к другому, боль и забота о другом — чувство, более похожее на материнское, чем на чисто женское: «Делать другому боль, нет, тысячу раз, лучше терпеть самой, хотя рождена — радоваться... Счастье на чужих костях, — этого я не могу. Я не победитель. (Говорю самое глубокое о себе, что знаю.)»⁸².

Непонимание ее внутреннего мира больно ранило М. Цветаеву: «Вы даже не поняли меня в моем: «Да разве это так важно — кому больно?» — ощущение чужой боли как своей — все это до Вас не дошло. Вы сочли меня проще, чем я есмь»⁸³. Так приходит к ней горькое, но и мудрое знание: «Только с *очень* большим человеком можно быть самим собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он *слаб*. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви — не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу *умеряться*, быть не собой, блестя-

ще побеждает»⁸⁴. Сколько же поражений должна была испытать ее сила самоотдачи, чтобы отсюда вывелась цветаевская формула о том, что «дать можно только богатому, помочь — только сильному»? Очевидно, духовное богатство и сила — не такие уж частые гости на земле...

Она могла выпрямиться во весь рост без страха быть непонятой с Рильке и Пастернаком, а с другими же, увы, умеряла себя, чтобы не испугать, не навредить, не дать больше, чем другой может взять: «С человеком я то, чем он меня видит, чтобы иметь меня настоящую, нужно *видеть* настоящую...»⁸⁵ Настоящую Цветаеву было дано увидеть лишь очень немногим.

И, чтобы завершить тему безмерности цветаевской любви, приведем еще одно ее высказывание о себе, которое с позиции духовного рассмотрения не покажется ни преувеличенным, ни высокомерным. Цветаева смотрит на свое истинное «Я» глазами другого человека, чья великая «зрячая» любовь к ней могла бы стать ее настоящей правдой и как бы освобождением, позволившим ей наконец-то выпрямиться в свой полный рост, ибо, по словам Рильке, «там, где я согнут — я согган»:

«Я буду равной самой себе лишь в любви того, кто выберет меня меж всеми существами, прошлыми, настоящими, будущими; мужчинами, женщинами; из воды, из огня, из воздуха, из земли, из неба.

И еще — ведь есть другие планеты!

Такова я... *Я есмь*»⁸⁶.

Ясновидение или жизнь в двух мирах

Марина Цветаева всегда очень серьезно относилась к своей родословной и особенно подчеркивала значение германских предков (по материнской линии). От них, наверное, романтизм и музыкальность, немецкая работоспособность и скрупулезность в поиске того единственно верного слова или звучания, которые могли бы адекватно выразить невыразимое: духовные откровения невидимого мира. Впрочем, добавим, что и со стороны отца, положившего 14 лет жизни на то, чтобы воплотить в жизнь свою мечту — создать в Москве Музей Изящных Искусств, таких черт, как добросовестность, упорство и трудолюбие, было не занимать. О них говорят старательные цветаевские черновики, в которых часто перед началом новой вещи можно встретить обращение: «Дай, Бог!».

«Я никогда не просила у Бога — рифмы, (*это — мое дело*), я просила у Бога — силы найти ее, *силы на это мучение...* И это мне Бог — давал; подавал»⁸⁷.

Она как-то призналась: «Писать обо мне по существу — не отчаялся бы только немец»⁸⁸. Этим она как бы выделяла школу классической немецкой философии, ее точность, всеохватность, глубину. Не случайно именно эта школа вскормила и Рудольфа Штейнера, прошедшего западный, розенкрейцеровский путь посвящения, а не восточный, исторически связанный с прошлым человечества.

Штейнер всегда опирался только на свой личный опыт переживания духовного. Он часто под-

черкивал, что для ясновидца нашего времени необходимо чистое, ясное как у математика мышление, а не туманные грезы восточной мистики. Цветаева как раз этим и отличается от большинства поэтов нашего века, что она, черпая духовные озарения, никогда при этом не теряла точного хода мысли: «Я не думаю, я слушаю. Потом ищущего воплощения в слове. Получается ледяная броня формулы, под которой только сердце»⁸⁹.

«Ясновидение» (а точнее: «яснослышание») помогало ей разгадывать другого человека, как уже говорилось, она «мгновенно составляла как бы формулу его человеческой сути».

«Я не подслушиваю, я выслушиваю. Так же, как врач: грудь. И как часто: стучишь — глухо!»⁹⁰

Не зрению, а именно слуху она доверяла больше всего, считая его органом духовного восприятия действительности: «Сущность — умысел, слышна только слухом»⁹¹. Конечно, это совсем не тот слух нашего физического органа — уха, это нечто более глубокое, развиваемое упражнениями в процессе духовного обучения. Этот слух — это как бы погружение в состояние «инспирации», когда в «пустое бодрствующее сознание» входят образы из духовного мира. Это и есть сверхчувственное познание, которое Цветаева пыталась выразить как познание «*под веками, не глядя, все внутри, — единственно полное и верное*»⁹². Штейнер говорил, что «в тайноведении даны средства развить духовные уши и очи и возжечь духовный свет»⁹³. Мы сейчас не будем останавливаться на том, какие это средства, это сильно увело бы нас

в сторону. Просто скажем, что Цветаева владела ими интуитивно. Огромная часть ее писем, стихов, эссе и исследований — это своего рода медитации, называемые Штейнером «созерцательным размышлением, жизнью души в мыслях, которая все больше и больше расширяется до жизни в духовном существе. Медитация есть средство, ведущее к сверхчувственному познанию»⁹⁴.

Как это ни странно звучит, но такое сверхчувственное познание у Цветаевой шло через чару, которой она придавала в жизни очень большое значение, через чарующее воздействие на нее другого человека. И в такие моменты у нее открывались сверхчувственные каналы, как бы вводящие ее в состояние медитации. Вспомним, что она написала А. Бахраху: «Найдите слова, которые меня чаруют, я *только* чарам верю, на остальное у меня ланцет: мысль»⁹⁵. Ведь и стихи пишутся «под чарой». Что под этим понимается? Вот ее признание в одном из писем: «Нет стихов без чар. (Не очарованы, а *чарованы*)... Поймите правильно: чары беру не как прикрасу, а как основу, как одну из первоначальных сил, силу природы. Нет чар — нет стихов, есть рифмованные строки»⁹⁶.

«Чарованность» человеком есть для нее настоящий путь к нему: «Вы освобождаете во мне мою женскую суть, мое самое темное и наиболее внутреннее существо. Но от этого я не менее ясновиждяща. Вся моя зрячесть обратной стороной имеет — ослепление»⁹⁷. Ослепление — здесь означает именно чару. Вот, кажется, где кроется ошибочное представление о ней, будто бы она очаровыв-

валась и ошибалась в людях. Отнюдь нет: чары — это только временное ослепление для более глубокого познания. Не зря же она себя называла «внутри зрящей» и при этом признавалась: «В людях я загораюсь и от шестого сорта, здесь я не судья, — но — стихи!»⁹⁸ Слишком многие не могли ее понять — вот одно из поразительных наблюдений ее мужа Сергея Эфрона, написанное им в письме к Волошину:

«Марина — человек страстей... Отдаваться с головой своему урагану — для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас — неважно. Почти всегда... все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, М. предается ураганному же отчаянию. Состояние, при котором появление нового возбудителя облегчается. Что — неважно, важно как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм.

Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой — и через день снова отчаяние. И все это при зорком, холодном (пожалуй, даже вольтеровски-циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются (почти всегда справедливо). Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разгорания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая — все обращает-

ся в пламя. Дрова похуже — скорее сгорают, лучше — дольше»⁹⁹.

Может быть, сам того не сознавая, Эфрон описывает здесь сверхчувственный процесс. Это именно цветаевский путь познания, самопознания и восхождения к духовному через чувства, чару, зоркий ум, открытие в себе сверхчувственных органов, «очей души». Никакого самообмана не было, была потребность в чаре, в изживании своей любви через пробуждение к другому человеку. И если этот процесс прерывался из-за неравенства ответного усилия, душевной слабости другого, то вместе с болью и горечью (вспомним: «Слабость отлично вооружена и, заставляя силу *умеряться*, быть не собой, блестяще побеждает») уже начинался творческий процесс, «протоколирование» своих духовных познаний. Ведь и задачу свою она видела в том, чтобы «все невидимое превращать в видимое, тайное делать явным». Надо отдать должное Сергею Эфрону, которому довелось жить рядом с таким гениальным поэтом. Чувствуя необычайность ее натуры, он никогда не мешал Марине «отдаваться с головой своему урагану». И она это ценила, когда писала о своем муже: «Верность от восхищения. Восхищение заливало в человеке все остальное, он с *трудом* любил даже меня, до того я его от любви отводила. Не восхищение, а восхищенность. Это мне подошло»¹⁰⁰, — и оставалась ему преданной до конца жизни. Так из пепла сгорающих чувств рождалось цветаевское слово. Она знала, как это достигается:

«Благоприятные условия? Их для художника нет. Жизнь сама неблагоприятное условие. Всякое творчество — перебарыванье, перемалыванье, переламыванье жизни — самой счастливой... И как ни жестоко сказать, самые неблагоприятные условия — быть может — самые благоприятные. (Так молитва мореплавателя: «Пошли мне Бог берег, чтобы оттолкнуться, мель, чтобы сняться, шквал, чтобы устоять!»)¹⁰¹

Штейнер как раз считал, что антропософия — это вовсе не теоретическая наука, она должна пронизать жизнь, а для современного человека путь к духу совершается через живое мышление, включающее всю гамму человеческих чувств, которые ни в коем случае не должны быть лишены сознательных сил. И именно славянству выпала задача — одушевить дух, дать духу душу. Как мы видим, Марина Цветаева все это несла хотя и на свой лад, но в самой полной мере, потому-то ее слово так сильно действует на людей, отвечает их самым глубоким потребностям.

То, что Цветаева не просто поэт-лирик, ведающий все яркие, сильные земные чувства: от героики до последней женской страсти, а еще и настоящий духоиспытатель, житель двух миров — это уже несомненно. Вот ее признания о себе самой:

«Я стала наблюдателем. Душа, укрывшись в свой последний форт, как зверь, наблюдала другую душу — или ее отсутствие. Я стала записывать: повадки, жесты, словечки, — когда в тетрадку, когда поглубже...

...Мое дело — срывать все личины, иногда при этом задевая и кожу, а иногда и мясо»¹⁰².

Или еще: «В иные минуты передо мной вскрыты все черепные крышки и грудные клетки, обнажая мозги и сердца»¹⁰³. Конечно, для нее нелегко было такое созерцание. По этому поводу она сетовала в одном из писем к А. Тесковой: «Не дал мне Бог дара слепости»¹⁰⁴. Или в письме к Иваску: «Я насквозь вижу — человека, т. е. сочувственна, и требую этого от другого (не для себя, а для него!), а если не нахожу — ухожу»¹⁰⁵.

Хорошо знавший ее Н. Еленев пишет о ней: «Без какой бы то ни было предварительной научной подготовки или исследовательского опыта Марина постигла непосредственно изначальные истины, которые огромному большинству сообщаются или чужой мыслью, или приобретаются в итоге долгого созерцания и духовного саморазвития»¹⁰⁶.

Путь духовного исследователя всегда нелегок и одинок, и это считается нормальным, так как правильно переживаемое одиночество приводит к следующей ступени духовного развития. В стихотворении «Берегись...» Цветаева скупыми средствами сумела выразить глубину своего понимания такого одиночного восхождения к духу. В этом стихотворении есть такие строки:

(Ибо странник — Дух
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух — ...

— Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем...

— Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче — *той*
В нашем сердце — *тот.*)

И рефреном идут строфы опять же о чутком слухе как сверхчувственном восприятии:

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:
— Берегись...

Приведем некоторые признания самого доктора Штейнера о том, какие внутренние трудности пришлось преодолевать и ему на своем пути одинокого странника-духа:

«Я принужден был справляться один с моими воззрениями, касавшимися духовного. Я жил в духовном мире, но никто из круга моих знакомых не следовал за мной туда... Около 1898 года мою душу... хотели ввергнуть в какую-то пропасть... Мое внутреннее переживание состояло тогда во внутреннем возбуждении, приводившем все мои чувства в волнение и бушевание... Я тщательно следил за тем, чтобы все мое познание происходило в *осмысленном* сознании... Мне приходилось спа-

сать тогда свое духовное воззрение во внутренних бурях»¹⁰⁷.

Эти несколько строк дают понять, как нелегко путь нового современного посвящения, а тем более у такой выдающейся личности, как Рудольф Штейнер. И все же путь посвящения — единственный путь для человечества, которому угрожает превращение людей в механизмы как исход современной цивилизации либо полное одичание. Прежде чем выйти на арену внешней жизни как учитель человечества, Штейнер, около 1899 года, как пишет С. Прокофьев, «завершил процесс своего посвящения: он имел личную встречу со Христом в сфере интуиции»¹⁰⁸.

О Цветаевой мы такого сказать не можем, она была только на пути к этому. Но она всегда признавала над собой высшее начало — Христа:

«Обратная крайность природы есть Христос. Конец дороги есть Христос. Все, что между — на полдороге»¹⁰⁹.

Может быть, в конце концов она бы и подошла близко ко Христу и нашла в этом настоящую опору своей мятущейся душе, если бы эпоха так трагически не расправилась где-то на полдороге с ее физическим существованием.

Сон

Бывает, что одна стихотворная строфа, оброненная поэтом как бы мимоходом, несет такую глуби-

ну, что заставляет вновь и вновь мысленно к ней обращаться. Задумаемся, например, о таких цветаевских строках:

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей среди бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.
И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

Обыгрыванием слов «спящей-сонной» Цветаева сумела сказать многое. Сонной, а значит: вялой, равнодушной, апатичной — она никогда не была. Наоборот, иногда уставала от чрезмерной и постоянной насыщенности внутренней жизни: «При напряжении необходимо разряжение. Его нет. Освежение. Его нет. Рабочий после завода идет в кабак — и прав. Я — рабочий без кабака, вечный завод»¹¹⁰. Цветаева писала, что ее «беда — в бодрствовании сознания»¹¹¹.

Другое дело — быть спящей, «сны видящей среди бела дня», т. е. отрешенной от сиюминутности окружающего быта, пребывающей в духовных высотах, где как во сне душа общается с ангелами, оставаясь интенсивно живущей внутренне. Ведь повседневность как самодостаточность для Цветаевой не существовала, она ощущалась ею пронизанной иными мирами в непрерывности взаимодействия физических и духовных существ:

«Проза — это то, что примелькалось. Мне — ничто не примелькалось!.. Я никогда не поверю в «прозу», ее нет, я ее ни разу в жизни не встречала, ни кончика хвоста ее. Когда подо всем, за всем, и над всем, и над всеми — боги, беды, духи, судьбы, крылья, хвосты, — какая тут может быть «проза»! Когда все — *на вертящемся шаре?*! Внутри которого — *огонь!*»¹¹²

Но настоящее освежение, разряжение и некоторое освобождение души от тела, парение ее в пространствах, абсолютно в том же смысле, в котором это рассматривается и духовной наукой, Цветаева считала, приносит только сон:

В мозгу ухаб пролежан, —
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны:
Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, — стен не видеть!
В постель иду — затем.
Разведены с Мартыном
Задекою — не все!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!
Занежат, — лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного — заспят.
Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду, — как в прорубь:

Вас — не себя топить!
Заокеанских тропик
Прель, Индостана — ил...
В постель иду — как в пропасть:
Перины — *без* перил!

«Мой любимый вид общения — потусторонний: сон: видеть во сне... Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбом. Две стены. Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой: тогда встреча — *над*. — Закинутые лбы!»¹¹³

Ощущение сна как жизни сущностей, проходящей в просторах души, когда общение с человеком не искажено случайностями реальной жизни, а есть настоящее проникновение к душе другого, — это ощущение у Цветаевой не случайно. Оно прочно выношено, о чем свидетельствуют многие ее письма: «Жить могу только во сне, в простом сне, который снится... Это моя настоящая жизнь, без случайностей, вся роковая, где все сбывается»¹¹⁴.

«Только в нем я — я, остальное случайности»¹¹⁵.

«В жизни *ни-че-го* нельзя — nichts, — rien. Поэтому — искусство («во сне все возможно»)»¹¹⁶

Цветаевское отношение ко сну так явно переключается с антропософским пониманием сна, что это, кажется, не может быть случайным. Оно впитано из воздуха времени, которым она дышала, времени, когда русский символизм был особенно связан с антропософскими идеями. Некоторые ученики Рудольфа Штейнера, как уже говорилось, были в числе друзей Марины Цветаевой. И в пер-

вую очередь, конечно, Макс Волошин, долгие разговоры с которым на протяжении десятилетия их дружбы (с 1910 года до самой ее эмиграции) не могли для нее пройти бесследно. О сне Штейнером сказано в его важнейших трудах, таких как «Очерк тайноведения» (1909 год) и «Как достигнуть познания высших миров» (1909 год). О сне он говорил и во многих публичных докладах. Это обширная область духовной науки, и мы не ставим здесь задачу знакомить с нею читателя. Мы можем только вкратце и пользуясь языком духовной науки передать общий смысл того, что происходит с человеком во время сна.

В «Очерке тайноведения» говорится, что когда человек погружается в сон, изменяется связь между его телами: та часть спящего человека, которая покоится на ложе, содержит в себе физическое и эфирное тело, а астральное тело и «Я» уходят во вне и живут на своей родине — в подобном им духовном мире, в гармонии вселенной, из которой родился весь человек. В состоянии сна именно астральное тело, покидая физическое и эфирное и совершая над ними работу уже не изнутри, а извне, может устранить утомление и при пробуждении принести человеку из своей родины (звездного, или «астрального» мира) столько обновленной силы, что на некоторое время астральное тело может снова жить внутри физического и отказаться от пребывания в гармонии вселенной. Бывает, что астральное тело может еще поддерживать некоторую тонкую связь с эфирным телом, и тогда процессы астрального тела воспринимают-

ся в образах, то, что мы называем сновидением. Сновидение превращает в образ то, что при бодрствовании было бы чувственным восприятием. Это нечто из таинственных законов, чарующих и привлекающих вещное чувство человека. Сон творит символические образы: он символист. Произвольное и часто нелепое в образах сна происходит оттого, что астральное тело, отделенное от органов чувств физического тела, не может правильно связать свои образы с соответствующими предметами и событиями внешней среды.

По мере развития в человеке духовной жизни и восхождения его на более высокий духовный уровень меняется и присущая человеку жизнь сновидений: из спутанных и хаотичных они становятся осмысленными. В них уже можно распознать закон, причину и следствие. Изменяется и их содержание. Это уже не просто отзвуки дневной жизни, но образы, выражающие собою вещи и соотношения иного мира, с которым человек прежде не был знаком. Все более исчезает различие между сновидческим сознанием и состоянием бодрствования, и откровения сновидений по мере духовного развития переходят затем и в обычную жизнь. Тогда чувственный мир обогащается чем-то совершенно новым, и уже не нужно будет дожидаться сновидений, чтобы жить в другом мире.

Постепенно переживания во время сна становятся разъяснением того, что не поддается пониманию со стороны обычного рассудка, как если бы человеку из более высокого мира нашептывались в словах и звуках решения загадок, над ко-

торыми он размышлял. И тогда то, что приходит из другого мира, человек может связать со своей обычной жизнью, ибо вещи и существа чувственного мира суть выражение и результат духовного мира.

Антропософия утверждает, что во время сна мы встречаем друг друга «по-настоящему», в то время как днем можем замыкаться в себе, утаивать наши мотивы, лукавить. Но ночью мы — открытая книга друг для друга. Решения, принятые без учета снов, не могут быть вполне плодотворными. Вот как Штейнер высказывается по этому поводу:

«Для сегодняшнего человека дело обстоит так, что он не сможет прийти к плодотворным решениям, если он хочет принять эти решения во время от утра до вечера; он должен пророчески жить в них в предыдущей ночи... Ибо человек должен знать: когда он утром пробуждается, он уже, как внутренний пророк, подготовил то, что он должен решить в течение дня. По-настоящему плодотворно лишь то, что он имеет готовым, когда пробуждается утром. Все остальное ведет к бедствиям и лишениям, ибо ложно убеждение, что человек приходит к своим решениям в течение дня, когда он находится в физическом теле»¹¹⁷.

Цветаева как будто читала эти мысли Штейнера! Ведь и она утверждает, что «В постель иду, — как в прорубь: Вас — не себя топить!» Она как бы чувствует, что во сне нельзя что-то утаивать, лукавить, что во сне мы — открытая книга друг для друга. В письме к Пастернаку, разделяя мир на «тот свет» и «этот», она признается: «Борис! Бо-

рис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по насущности снов. Как я не знаю этого, как я не люблю этого, как обижена в этом! Тот свет, ты только пойми: свет, освещение, вещи, *иначе* освещенные, светом твоим, моим. *На тем свету* — пока этот оборот будет, будет и народ»¹¹⁸.

А какой великолепной иллюстрацией приведенному нами краткому изложению духовно-научных истин о роли и значении сна в жизни человека служит еще одно цветаевское стихотворение из цикла «Сон» (1924 год)!

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Все мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы прочно замерли —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!
Не обрывающееся с крыш!
Знали бы, как на перинах лежачи
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло —
Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Все мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все мои тайны — сон перетряс!

Сон как созерцание с высоты духовной действительности, решение загадок жизни, раскрытие всех тайн человека — так его видела и Марина Цветаева. Теперь мы понимаем, почему ее любимым видом общения был сон.

«Я никогда не бываю благодарной людям за поступки — *только* за сущности! Хлеб, данный мне, может оказаться случайностью, сон, виденный обо мне, всегда сущность»¹¹⁹.

Смерть

Тайноведение, пишет Штейнер, иногда упрекают в том, что углубление в рассмотрение таких состояний, как сон и смерть, может проистекать лишь из склонности к праздной мечтательности. Это свойственно людям, которым недостает жизненной силы и жизнерадостности и которые неспособны к «истинному творчеству». Штейнер, отвечая на эти упреки, не просто оспаривает их, а

говорит, «что это только четверть истины, которая должна быть дополнена остальными принадлежащими к ней тремя четвертями». И дальше: «Рассмотрение того, что скрывает сон и смерть, действительно болезненно, если оно ведет к ослаблению, к отвращению от истинной жизни. Но это нездоровое вытекает отнюдь не из *ИСТИННОГО* тайноведения»¹²⁰. А настоящее положение дел состоит в том, что познания человека в видимом должны быть дополнены и оплодотворены познаниями невидимых миров, и «нельзя приблизиться к загадке жизни, не занявшись рассмотрением смерти».

Приведем краткий обзор основных положений духовной науки об этой таинственной и неведомой «земле» — смерти.

Так же, как и сон, смерть наступает только из-за изменения взаимосвязи между членами человеческого существа: эфирное тело вместе с астральным телом и «Я» отделяется от физического, которое остается предоставленным своим собственным силам и поэтому должно распасться, стать трупом. В течение нескольких дней еще сохраняется связь астрального тела с эфирным, благодаря чему в эфирном теле проходят *воспоминания* об истекшей жизни. Это первое переживание человека после смерти. Затем, после отделения от эфирного, астральное тело уже без него продолжает свое дальнейшее странствие со всеми теми чувствами, которые оно накопило во время своего пребывания в физическом теле.

Для человеческого «Я» лишь со смертью наступают откровения духовного, причем в той мере, в какой оно на земле успело выработать в себе высшего человека. «Я» — это именно та сущность, которая не нуждается для своих восприятий во внешних органах, и если бы оно не имело иных желаний, кроме духовных, то с наступлением смерти почерпнуло бы из духовного мира полное удовлетворение. Но жизнь на земле дала ему еще иные жизненные функции, вожделения, а также жажду наслаждений, которые могут быть удовлетворены только с помощью физических органов. Это закономерно, что пока «Я» живет в теле, оно должно иметь чувственные желания, ибо в чувственном открывается дух (утоление голода, жажды и т. д.).

Но бывают и такие наслаждения, которые не служат духу, не являются его выражением, и тогда после смерти они остаются в виде желаний, которые тщетно ищут удовлетворения и превращаются в жгучие лишения, подобно жажде в пустыне. «Я» должно в этом отношении очиститься и освободиться «пожирающим огнем духа» от всех желаний, не имеющих права на существование в духовном мире, а именно от тех, которые на земле были не благодетельными, а разрушительными силами жизни. Это состояние очищения для «Я» называют «Кама-локой», оно продолжается примерно одну треть жизни и заканчивается отделением астрального тела от «Я». Теперь человек окружен существами духовного рода, одно-

родными с его «Я», которое содержит в себе духовный итог, плод его жизни.

Духовная наука дает потрясающее по красоте описание «страны духов». Это страна сияющих красок, наполненная гармоническими сочетаниями звуков, изливающихся как исполненная движением жизнь, подобно, быть может, хоралу Баха. Еще более высокое проявление духовности свершается, когда звук становится «духовным словом». Тогда два существа в «стране духов» живут одно в другом без того разделения, которое всегда есть в чувственном мире. «И таким является действительное совместное бытие «Я» с другими духовными существами после смерти»¹²¹.

Цветаева смогла все это замечательно выразить в своей «Поэме Воздуха», которую она и задумала написать именно с целью «узнать, как бывает там». На полях одной из тетрадей есть такая ее запись-формула: «Я вещь окончательно понимаю только через слово (собственное)»¹²². Вот, например, как по-своему дает Цветаева штейнеровский образ слияния человеческого существа с другим духовным существом, спускающимся к ней навстречу из духовного мира:

Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух.
Одиночный — каждого
Шаг, — пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них —

Стыд, а вот — платать!)
Что-то нужно выравнивать:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех — державу всю!
Либо — и услышана:
Больше не звучу.

По мере восхождения в страну духов два разобщенных существа все теснее соединяются, «они, — как говорит Штейнер, — живут одно в другом без того разделения, которое всегда есть в чувственном мире»:

Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один,
И не парный, спаренный,
Тот, удушье двух —
Одиночной камеры
Вздох: еще не взбук
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, — страшась прошу.
Либо — и отпущена:
Больше не дышу.

В цветаевской «Поэме Воздуха» встает удивительная картина ее интуитивных прозрений! То, о чем идет речь в подробных духовно-научных исследованиях Рудольфа Штейнера о высших мирах,

предстающих человеку после смерти, Цветаева открывает языком сложнейшей поэзии. Как будто она знала и об области — «мыслителей всех — державы всей», где живут существа, изливающие мудрость, и о той сфере страны духов, где обитают «всесущие все» — высшие духовные существа, участвующие в развитии мира и человечества¹²³.

В «Очерке тайноведения» Штейнер подробно описывает пять областей духовного мира, не считая еще более высоких, где по Цветаевой наступает «час, когда готический Шпиль нагонит смысл Собственный...» Сразу после смерти человек проходит такие ближайšie к земле области:

— «Материк» мира духов, где ощущается сила, придающая земле ее физические формы, а все качества и краски чувственного мира отсюда наблюдаются в своей противоположности.

— «Область морей и рек» — текущая сущность, которую можно сравнить с кровообращением в теле. В то же время эта сущность воспринимается как духовное звучание.

— «Воздушный круг» — это поток ощущений и чувств: скорби, страдания, радости, восторга. Они проносятся подобно ветру и буре в воздушном круге чувственного мира. И восприятие этих событий можно сравнить со слышанием слов в физическом мире: это «веющие духовные слова» страны духов.

— Мир мыслей страны духов. Мысли, которые человек воспринимает в физическом мире, — это отражение того, что рождается в этой области и живет здесь как мысле-существа.

— То, что находится в пятой области, можно сравнить с физическим светом. Здесь находятся существа, изливающие мудрость.

У Цветаевой в «Поэме Воздуха» мы можем пронаблюдать прохождение всех этих сфер примерно в той же последовательности. Первая — «материк», где ощущается сила сопротивления земли, а все качества физического мира воспринимаются как «противу»-качества:

Как Колумб, здороваюсь
С новой землей —
Воздухом! Ходячие
Истины забудь!
Сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Вое-сапогом.
(Матери под стопками
Детскими...)
В тугом
Шаг. Противу-мнения:
Не удобохож
Путь.
Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду —
Рис, — тобой. Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай —
По́ сердцу!) сплечением
Толп. — Гераклом бьюсь!

— Землеизлучение.
Первый воздух — густ.

Вторая область — текущая «область морей и рек»:

Баловливых рыбок
Скользь — форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!
Волоски — а веек! —
Тех, что только ползать
Стали — ливче леек!

...

Старая потеря
Тела через воду
(Воду-сомушения
Плеск. Песчаный спуск...)
— Землеотпущение.
Третий воздух — пуст.

И тут же появляется звук:

Голубиных грудок
Гром — отсюда родом!
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового!

...

Соловыиных глоток
Гром — отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью

Вьюго-богослова
Гудью — точно грудью
Певчей — небосвода
Небом или лоном
Лиро-черепахи?

Не отсюда ли рождается семь нот музыки сфер?
По Цветаевой так:

Семь — пласты и зыби!
Семь — heilige Sieben!
Семь в основе лиры,
Семь в основе мира.
Раз основа лиры —
Семь, основа мира —
Лирика.

Постепенный переход в третью сферу, по Штейнеру, в «воздушный круг» — в прерывающийся поток ощущений и чувств, проносящихся подобно буре, когда звук становится «духовным словом»:

Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом — чистым духом
Быть. Оставьте буквы —
Веку.
Чистым слухом
Или чистым звуком
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствия.

И наконец, когда:

Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! —

у Штейнера начинается четвертая и пятая сфера — мир мыслей и мир мудрости. У Цветаевой так:

Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет — один и прям.
...Ввысь! Не в царство душ —
В полное владычество
Лба. Предел? — Осиль:
В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный...

Так духовная наука во многом может помочь раскрыть загадочные переходы «Поэмы Воздуха». Проследим еще некоторые переключки поэта с духовным исследователем по поводу взаимодействия жизни и смерти.

Тайноведение говорит о том, как в сверхчувственных мирах начинает созидаться человек для нового рождения. Вокруг человеческого «Я», несущего в себе плод прошлых жизней, вновь создается астральное тело, которое может жить в таком эфирном и физическом теле, какие будут приисущи именно этому человеку. Духовные существа направляют это астральное тело к соответству-

ющей чете родителей. Вступает в силу закон судьбы, или «кармы», а закон наследственности лишь дополняет его. В самом зерне человеческой личности должно существовать нечто такое, что заставляет его родиться в той или иной среде и унаследовать те или иные качества родителей. Индивидуальность предшествует физическому бытию и сама слагает его теми силами, которые протекают из прежних жизней.

У Цветаевой по этому поводу есть замечательные мысли, которыми она могла делиться только с таким высоким духом, как Рильке:

«Мы сами выбираем наши имена, случившееся — всегда лишь следствие... Человек — то, на что мы осуждены!.. Поэт — тот, кто преодолевает (должен преодолеть) жизнь»¹²⁴.

«До жизни человек — *все и всегда*, живя жизнь, он — *кое-что и теперь*»¹²⁵.

Она ощущала, что имена (т. е. подходящая чета родителей) «выбираются» еще в духовном мире, как она любила говорить — «отродясь и дородясь», и все поступки человека на земле совершаются, следуя неумолимому закону кармы («случившееся — всегда лишь следствие»). Но считала, что преодолеть этот закон может только очень сильная личность, каковой она считала поэта. В другом месте она говорит о том, что человек рождается с уже готовыми чувствами (т. е. с астральным телом):

«Они (т. е. чувства — Т. К.) даны нам сразу все, все чувства, которые когда-либо нам суждено будет испытать: они, подобно пламени факела, от-

родясь втиснуты в нашу грудь... Чувству не нужен повод, оно само повод для всего. Чувство не нуждается в опыте: оно все знает раньше и лучше (Всякое чувство еще и *предчувствие*). В кого вложена любовь — тот любит, в кого гнев — тот негодует, а в кого обида — тот отродясь обижен. Обидчивость создает обиду»¹²⁶.

Здесь хочется привести строки одного замечательного поэта, живущего в наши дни, — Инны Лиснянской. Она по-своему и очень афористично сумела дать свое видение различия душ в духовном мире:

Нет, это я за той чертой,
Где праху равен прах,
А души разнятся судьбой
И светятся впотьмах.

Духовная наука дает большое утешение, говоря о том, что после смерти между живыми и мертвыми вовсе не устанавливается глухая стена. Человек после смерти не только занят собой, но и участвует в духовной работе над преобразованием земли. И обратно — деятельность людей на земле имеет свои последствия в духовном мире. Люди, связанные на земле различными узами, по-настоящему находят друг друга после смерти, и общение там становится уже полным. Необходимо строить мост между живыми и умершими, т. к. душа умершего гораздо легче чувствует себя и преодолевает препятствия, получая теплое дыхание любви тех, кто возносится к ней в молитве, мыслях или в сновидении. Все это есть пища для умерших душ.

Если же люди весь день занимаются сиюминутными земными заботами, то умершие очень страдают, не находя для себя никакой пищи, лишь пустое поле!

Люди думают, писал Штейнер, что выйдя из юности, они уже ничему не должны учиться, но по-настоящему учиться следует именно тогда, когда юность уже прошла. И как раз духовная наука учит постигать, что смерти и рождения как таковых вовсе не существует, что мы сами ставим их в жизнь из-за ограниченности нашего понимания.

Загадка смерти всегда волновала Цветаеву и привлекала ее вещее чувство. Она безутешно, наедине с собой переживала в детстве и отрочестве смерть близких и дорогих ей людей (рано умершей матери, Нади и Сережи Иловайских). Ее всегда больно ранили уходы из земной жизни поэтов, друзей, любимых героев и замечательных личностей (Рильке, Маяковский, Волошин, Сонечка Голлидей, Стахович, лейтенант Шмидт и др.), и она почти всегда отзывалась на такие события в своем творчестве. На протяжении всей жизни Цветаева возвращалась к теме смерти и глубоко продумывала ее. Вот записи из ее дневника:

«Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит. Поэтому, в самоубийстве, тело — единственный герой.

Героизм души — жить, героизм тела — умереть»¹²⁷.

В зрелом возрасте Цветаева, обращаясь к ушедшему, горячо любимому Рильке («Новогоднее»), приходит к такому откровению:

Жизнь и смерть давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплеты...

И дальше продолжает:

Если ты, такое око, смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть,
смерть не смерть есть.
Значит — тмится, допойму при встрече! —
Нет ни жизни, нет ни смерти, — третье,
Новое...

Смерть человека ведет все ее мысли, чувства
вслед за умершим:

«Кем бы ни был мне мертвый, верней: как мало
бы я ему, живому, ни была, я знаю, что в данный
час (с часа, кончающегося с часами) я ему ближе
всех. Может быть — потому что я больше всех *на
краю*, легче всех пойду (пошла бы) вслед. Нет этой
стены: живой — мертвый, был — есть. Есть обо-
юдное доверие: он знает, что я вопреки телу —
есть, я знаю, что он — вопреки гробу! Дружеский
уговор, договор, заговор. Он только немножко
старше. И с каждым уходящим уходит *в туда! в
там!* — частица меня, тоски, души. Опережая меня
— домой»¹²⁸.

Цветаева как никто могла ощущать отсутствие
стены, живое взаимодействие между живым и мер-
твым: «... он еще не успел *не быть!* как бы я ему в
последний раз рассказала *землю*. Я знаю, что его
душа возле! Ушами же никто никогда ничего не слы-
шал»¹²⁹, — писала она в связи со смертью А. А. Ста-
ховича. Она всегда стремилась к такому полному
«сверхчувственному диалогу» людей, когда сняты

барьеры внешних чувств, лишь искажающие взаимопонимание. Вот почему сон и смерть становились для нее не преградой к душе другого, а настоящим проникновением в нее.

Размышления Цветаевой о смерти подтверждают ее жизнеспособность, неиссякаемый источник постижения все новых и новых загадок жизни: «Уметь умирать — суметь превозмочь умирание — то есть *еще раз уметь жить*»¹³⁰.

*Марина Цветаева —
поэт эпохи становления
«души самосознающей»*

*«Нравственно продуктивными
являются только люди, обладающие
моральной фантазией. Созревший
человек сам придает себе
свою ценность... Он действует так,
как он того хочет, то есть сообразно
своим этическим интуициям».*

Рудольф Штейнер

*«У меня вечное чувство, что не я выше
среднего уровня человека, а они — ниже,
что я и есть средний человек...
и моя обычная сила, про которую
мне столько пели (на мне катаясь),
самая обычная, полагающаяся,
Богом положенная —
что иде-то все такие».*

Марина Цветаева

Духовная наука углубляется в бесконечно далекое прошлое Земли и прослеживает ее развитие в обратном порядке. Периоды развития человечества на Земле резко разделяются на доатлантический и послеатлантический. Здесь мы не будем останавливаться на этих грандиозных картинах, а только скажем, что история человечества после Атлантиды охватывает семь культурных периодов. Эти периоды получили свое название от тех цивилизаций и рас, которые в соответствующую эпоху имели или будут иметь решающее влияние на общий ход исторического развития. Выделяются:

древнеиндийский,
древнеперсидский,
египетско-халдейский,
греко-латинский,
европейский,
славяно-русский и
американский культурные периоды.

Мы сейчас живем, указывает антропософия, где-то в середине пятого, то есть европейского культурного периода, который начался в XIV—XV веках. В предыдущем, греко-латинском периоде, начавшемся приблизительно в VIII веке до н. э., произошло событие Христа — мистерия Голгофы, которое

духовная наука рассматривает как *основное событие* всего земного развития. При переходе от египетско-халдейской к греко-латинской культуре изменился весь душевный склад человека: от древнего внутреннего ясновидческого познания человек все больше переходил к познанию путем логического размышления, рассудка и чувства. В течение всего греко-латинского периода шло становление души рассудочной, люди все более удалялись от непосредственного восприятия духовно-душевного мира. И это нормальный ход эволюции человечества. Лишь у отдельных индивидов еще сохранялись остатки древнего сумеречного ясновидения, бывшего некогда общим достоянием человечества. Поныне остаются люди, несущие в себе ясновидение как наследие древности, но это уже пройденный этап развития, и прежние душевные способности теряют свое значение. Для нового времени — европейской культуры, когда идет раскрытие в человеке его «Я»-сознания, становление души самосознающей, — древнее ясновидение больше непригодно. Человеческая жизнь приспособляется к новым способностям. Появляются люди, которые совершенно сознательно в придачу к уже достигнутым человечеством силам рассудка и чувства развивают в себе иные, высшие силы, способные привести их к сверхчувственному познанию. Это посвященные нового времени.

Пятый культурный период, в котором ныне пребывает человечество, характеризуется тем, что развивающиеся душевные силы человеческого «Я» все

в большей степени будут находить удовлетворение в сверхчувственных познаниях. И тем самым будет приближаться будущий шестой период — славяно-русский, который Рудольф Штейнер характеризует как эпоху становления первого из высших элементов человеческого существа («самодуха»). Знаменательно, что как раз Восточная Европа будет здесь играть ведущую роль. Человечество снова, но уже на высшей ступени, будет обладать тем, чем оно обладало в более ранние времена в виде сумеречного ясновидения. Если тогда душа принимала это как данное свыше, то в будущем у достаточного числа людей ясновидение будет проникнуто собственной силой рассудка и личного чувства, которые укрепятся «Я»-сознанием пятого периода.

Пятый и шестой культурные периоды являются в известном смысле решающими для развития души. Именно при переходе из пятого в шестой периоды все будет зависеть от самих людей. Люди сами научатся создавать себе условия, чтобы идти наравне с общим развитием жизни, чтобы овладеть способностями проникновения в духовные миры силами рассудка и чувства. Души, внутренний мир которых не будет отвечать общему уровню развития жизни на земле, окажутся отставшими, и позднее, при изменившихся условиях, почти не будет возможности нагнать упущенное. «Отставшие души накопят в своей карме так много заблуждений, безобразия и зла, что вначале они образуют некое сообщество злых и заблудших, резко направленное против общины добрых людей»¹³¹.

Но в будущем царство добрых людей, как находящихся на более высокой ступени, будет преобразовать и облагораживать отставшую часть человечества, так чтобы и они могли участвовать в дальнейшем развитии на правах особого земного царства. «В будущем человеческая свобода будет зависеть не от того, что предопределено предшествующими условиями, а от того, что сделала из себя душа»¹³². Для будущей гармонии «Я» в космосе к мудрости, накопленной в результате прошлых эпох, должна присоединиться новая сила. Это есть сила *любви*. Весь описанный процесс, начиная с греко-латинского периода и вплоть до настоящего времени являет собой тот посев, который должен созреть как любовь. «Мудрость есть условие любви. Любовь есть плод возрожденной в «Я» мудрости».¹³³

Таков лишь очень беглый эскиз той величественной картины развития мира и душевной жизни человека в процессе смены культурных эпох, которую рисует антропософия. В предыдущих главах мы постарались посмотреть на творчество и личность поэта Марины Цветаевой с позиции духовной науки. Теперь можно показать, как ее личность отвечала требованиям развития своего времени — эпохи души самосознающей, когда человеческая свобода не может существовать без любви и человек рассматривается с точки зрения развитого индивидуального «Я».

Марина Цветаева пришла в мир тогда, когда, по представлениям духовной науки, все противоречия в нем, все силы соперничества и вражды меж-

ду людьми наиболее обострились. А поэт поверх всех барьеров провозглашает:

Я знаю правду! Всё прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.

Это не просто поэтическая декларация, это врожденное чувство «женщины, весь смысл и назначение которой — утверждаю — в любви, а не ненависти, в гимне, а не эпиграмме»¹³⁴. Антрополог видит в М. Цветаевой поэта будущей эпохи самодуха, когда уже достаточное число людей научится жить с различными мнениями и сотрудничать вопреки различиям, которые закономерно будут еще больше увеличиваться в период становления души сознательной. Цветаева часто высказывается по поводу своих сложных отношений с нынешним веком материализма, «который десять Пушкиных бы отдал за еще одну машину»¹³⁵. И от этого страдает ее сердце поэта, не принимающего именно такого будущего:

О поэте не подумал
Век — и мне не до него.
Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом
Времени не моего!

Если веку не до предков —
Не до правнуков мне: стад.
Век мой — яд мой, век мой — вред мой,
Век мой — враг мой, век мой — ад.

«Оборот назад — вот закон моей жизни»¹³⁶, — говорила М. Цветаева. Прошлое всегда было для

нее притягательной силой, но вовсе не тормозящей движение вперед, а наоборот: без прошлого не мыслилось ни человеческого существования, ни будущего. Она отчетливо сознавала, что настоящее развитие жизни вовсе не в том, что человек так успешно научился приспособлять к себе технику, а в том, «что сделала из себя душа» (Р. Штейнер).

«Вся моя жизнь — роман с собственной душой»¹³⁷.

«Одни любят свой желудок, другие — свою душу, последнее не прощается... Что я делаю в мире? Слушаю свою душу. Это также не прощается»¹³⁸.

Не прощается кем? Очевидно, как раз теми, кто, как было сказано выше, может попасть в отставшую часть человечества, если не сумеет справиться с собственным эгоизмом. Ведь уже в нашу эпоху происходит — по Штейнеру — это разделение человечества на две расы: добрых, идущих вровень с общим развитием жизни, и злых, тормозящих свое же собственное развитие (можно сказать по-цветаевски: слишком любящих свой желудок) и поэтому отстающих. У Цветаевой эта тема звучит в одном коротеньком стихотворении:

Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожая —
Дорогу железную.

Века с краю
В запретные зоны

Провожая
Кверх лбом — авионы.

Почему же,
О люди в полете!
Я — «отстала»,
А вы — отстаете,
Остаетесь.

Крылом — с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю —
я?

Цветаевское творчество показывает, что она слушала не только свою душу, но и души других и, как уже говорилось, через это слушание она постигла многое. Понимала, как легко потерять человека в современном мире эгоизма и вражды, если он не сумеет найти этому противовес в себе: «Как силен должен быть Бог в человеке, чтобы он среди людей не сделался или скотом или демоном!»¹³⁹

Она сознавала свою внутреннюю силу, и если видела свою нужность, то отзывалась всей собой, стремилась поделиться своей силой с другим. И с горечью отступала, если люди не были готовы принять такой полноты, казавшейся им чрезмерной: «Я еще никого не угнетала и не удушала в жизни, я для людей — только повод к ним самим. Когда это «к ним самим» — есть, т. е. когда *они сами* есть, — *все есть*. Над отсутствием я бессильна»¹⁴⁰.

Но, желая таким образом «очеловечить» человека, Цветаева, конечно, не могла быть терпеливой и последовательной. Впрочем, поэту и не пристало быть в роли педагога, ведь поэт может облагородить мир иначе: через свою поэзию. И поражает ясность понимания Цветаевой самой себя: «Я сама беру людей из грязи, из ничтожества их выбираю, поднимаю их до себя, а потом возвращаю в грязь»¹⁴¹. Она говорит то, что думает, без оглядки на возможную реакцию собеседника и одновременно оказывая тем самым доверие ему и его способности адекватно понять сказанное.

Изначальным же, идущим от сердца, неизменно оставалось сочувствие, полное участие и внимание к душе другого. За год до смерти, в 1940 году она писала: «Во мне — таинственно! уцелела невинность: первого дня, весь первый день с его восхищением — изумлением — и доверием. Для меня *всякий* — хорош (а *плохой* — больной)»¹⁴². Она неоднократно повторяла мысль о том, что поэт занимается душой, что «область поэта — душа. *Вся* душа. Над душой — дух, не нуждающийся в поэтах, если нуждающийся — в пророках. Пророчество в поэте как соприсутствие, не как сущность — как поэзия в пророке»¹⁴³.

Именно духом занимался Рудольф Штейнер как пророк и как учитель человечества. Ф. Риттельмайер дает прекрасные зарисовки взаимоотношений доктора с людьми. Он вспоминает, что когда собравшиеся в зале люди ожидали появления Штейнера, то «можно было легко почувствовать, что

здесь был праздник одного человека. Все эти мужчины и женщины жили в одной радости, что среди них находился человек, которого они воспринимали как совершенно необычного, как вождя человечества... Все дышало благородством человечности, ибо среди них чувствовался некто великий из рода человеческого...

Его знание людей было ошеломляющим. Если он ошибался в человеке, то я наблюдал это только в такой форме, что он ждал от кого-либо больше, нежели тот последний потом выполнял. Доктор Штейнер обращался к лучшему в человеке, а ему отвечало худшее... И тогда следовало не отрицание со стороны доктора Штейнера, но отказ со стороны другого...

Рудольф Штейнер никогда не пропускал случая дать заметить, что ему всего приятнее люди, свободно и уверенно стоящие перед ним. Даже упрямству он почти радовался, хотя он и не мог считать его полезным делу... Если он стоял перед выбором — он всегда предпочитал свободу человека требованиям дела»¹⁴⁴.

Так в эпоху человеческой свободы он оставлял каждому, приближавшемуся к нему, к делу его жизни, свободу выбора. Ведь «Я»-сознание пробуждается вовсе не для эгоизма, а для того, чтобы уметь самому нести ответственность в жизни, и путь к этому лежит через свободу и любовь. Уже говорилось, что особое отношение у него было к русским, так как, по мысли Штейнера, в душе этого народа готовится приближение грядущей эпохи самодуха. В гельсингфорских докладах в 1912 и 1913

годах специально для русских антропософов он говорил о томлении русской народной души по тому духу, который открывается в духовном познании современности. Он говорил о том чувстве ответственности, которое несут русские как дети этой народной души. Русская народная душа ставила ему величайшие вопросы высшего порядка. Эти вопросы могут идти только с Востока Европы. Русские не рождены для скептицизма и цинизма, которые возникают в Западной и Центральной Европе. Но здесь, в России, поджидает совсем другая опасность — мощь личного душевного элемента, пыл и жар души, которые способны окутать людей астральными облаками и помешать объективно-духовному найти путь к душе. Повторим, что в этом же он видел и большое преимущество русской народной души по отношению к Западу: эта душа как никакая другая предназначена принять духовное знание как частный интерес русской народности, заботиться о нем как об абсолютно собственном деле.

«Что же касается ваших обязательств по отношению к человечеству, — говорил Штейнер, — их уже приняла на себя сама эта народная душа; вам осталось лишь найти ее, эту душу народа; вам осталось лишь предоставить ей говорить через ваши мысли, ощущения и волевые импульсы и, чувствуя ответственность перед вашей народной душой, одновременно вы исполняете долг и перед человечеством»¹⁴⁵.

Осмелимся высказать мысль, что Цветаева — один из крупнейших поэтов современности, эпохи

становления души самосознающей и первых ростков следующей эпохи самодуха, при которой братство и любовь будут пересиливать индивидуализм, эгоизм и вражду, — совсем близко подошла и соприкоснулась всем своим внутренним существом с вестницей будущей эпохи — русской народной душой. Ее встречу со Штейнером в Праге и постоянную переключку в творчестве можно рассматривать как великий символ встречи двух культурных эпох: нынешней — европейской и будущей — славяно-русской. Еще больше эти две индивидуальности смогут «сказать» друг другу при своей настоящей встрече в духовном мире.

«А помните штейнеровское:

Auf Wiedersehen!...

...Вне символики, а вышло больше. Мне жутко понравилось...»

Постскриптум

Рудольфа Штейнера при жизни многие не понимали, не принимали и подвергали насмешкам. А он считал своим долгом передать людям хотя бы часть своих знаний о духовном мире, чтобы предотвратить катастрофы, которыми материализм грозил человечеству в XX веке. Ученики доктора уже в 1912 году начинают возводить на одном из Дорнахских холмов в Швейцарии Дом Слова «Гетеанум». Дом этот, пережив пожар и две мировые войны, и поныне стоит как духовный центр не только Европы, но и всего мира.

Марине Цветаевой в жизни с лихвой хватило горя и страдания, и той же не оцененности. А ныне в Москве стоит «возрожденный из небытия» дом-музей Марины Цветаевой, который тоже, наверное, станет со временем и российским, и мировым центром изучения ее жизни и творчества. И сколько же она подарила каждому из нас своими замечательными творениями!

Вот и напрашивается вывод: *со временем* человечество все оценивает правильно и воздает должное великим людям. Просто ему для этого надо *слишком много времени...*

Примечания

¹ Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Гнозис. 1994.

² Писарева Е. Ф. Письмо к Марии фон Сиверс, сентябрь 1907 // Fedjuschin V. Ruslands Sehnsucht nach Spiritualität: Theosophie, Antroposophie, R. Steiner und Russen. Novalis Verlag, 1988. С. 89 (пер. с нем. Т. Кузнецовой).

³ Штейнер Р. Письмо к Минцловой, март 1908 // Там же. С. 94.

⁴ Бердяев Н. Теософия и антропософия в России. М., 1991.

⁵ Волошина М. Зеленая змея. Штутгарт, 1968, Книга 3. С. 195.

⁶ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 216.

⁷ Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Гнозис, 1994. С. 66.

⁸ Белый А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере. Париж, 1980.

⁹ Волошина М. Зеленая змея. Штутгарт, 1968.

¹⁰ Bugaejwa K. N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel: Die Pforte Basel, 1987.

¹¹ Turgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner. Stuttgart, 1972.

¹² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 214.

¹³ Цветаева М. Пленный дух // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 216.

¹⁴ «Теософия», «Философия свободы», «Очерк тайноведения», «Мистика», «Христианство как мистический факт», «Как достигнуть познания высших миров», «Порог духовного мира», «Сущность социального вопроса» и др.

¹⁵ Фридрих Риттельмайер — протестантский пастор, богослов. Не признавая «тайноведение» и стремясь «уличить» Р. Штейнера в неискренности, он сближается с ним и входит в антропософские круги (1911 г.). Позднее, убедившись в полной безупречности доктора, он делается его ярким сторонником, принимает антропософию, в 1922 г. основывает по рекомендациям Р. Штейнера Общину христиан и становится ее первым священником.

¹⁶ Цветаева М. Мой Пушкин. Баку: Язычи, 1988. С. 11.

¹⁷ Цветаева М. Мать и музыка // Цветаева М. Поклонись Москве. М.: Московский рабочий, 1989. С. 241.

¹⁸ Волошина М. Зеленая змея. Штутгарт, 1968. Книга 2. С. 179.

¹⁹ Там же. С. 462.

²⁰ Там же. С. 469.

²¹ Риттельмайер Ф. Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.; Обнинск, 1991. С. 22.

²² Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 143.

²³ Риттельмайер Ф. Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.; Обнинск, 1991. С. 44.

²⁴ Волошин М. Из автобиографии 1925 г.

²⁵ Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 425.

²⁶ Риттельмайер Ф. Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.; Обнинск, 1991. С. 56.

²⁷ Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 300.

²⁸ Эфрон А. Неопубликованный отрывок из рукописи «Страницы былого» (Публ. Р. Вальбе).

²⁹ Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 306.

³⁰ Там же. С. 414.

³¹ Волошина М. Зеленая змея. Штутгарт, 1968, Книга 2. С. 179.

³² Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 352.

³³ Там же. С. 264.

³⁴ Там же. С. 425.

³⁵ Цветаева М. Письмо к Л. Е. Чириковой // Наше наследие, 1991, N4. С. 53.

³⁶ Кафка Ф. Из разговора. Zeitgenossen. Franz Kafka & Rudolf Steiner (пер. Т. Кузнецовой) // Info 3, 1993. N3.

³⁷ Цветаева М. Земные приметы // М. Цветаева. Сочинения в 2-х томах. Т. 2, М.: «Художественная литература», 1988. С. 300.

³⁸ Там же.

³⁹ Цветаева М. Живое о живом // Там же. С. 204.

⁴⁰ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 25 июля 1923 г. / Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 581.

⁴¹ Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 9 июня 1925 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 747.

⁴² Цветаева М. Из письма к А. Тесковой, 15 января 1927 г. // Там же. С. 354.

⁴³ Цветаева М. Из письма к В. Сосинскому // Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 376.

⁴⁴ Bugaejwa K. N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel: Die Pforte Basel, 1987. С. 22.

⁴⁵ Из письма к Б. Пастернаку, 9 февраля 1927 г. // Р. М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 211.

⁴⁶ Steiner R. Anthroposophie als Zeitforderung. Dornach: Taschenbuchausgabe, 1987. С. 154 (пер. с немецкого Т. В. Кузнецовой). Второй доклад Р. Штейнера по настроению и тематике близок первому.

⁴⁷ Антропософский термин. В дальнейшем будут исполь-

зоваться без специальных пояснений и другие антропософские термины: «духовный исследователь», «духоиспытатель», «высшие члены человека», «сверхчувственные познания», «эфирное тело», «астральное тело», «самодух» и др.

⁴⁸ Цветаева М. Поэт о критике // М. Цветаева. Об искусстве. М.: «Искусство», 1991. С. 40.

⁴⁹ Там же. С. 41.

⁵⁰ Цветаева М. Поэт и время // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 362.

⁵¹ Штейнер Р. Лекция педагогического курса для молодежи. Штутгарт, 15 октября 1922.

⁵² Цветаева М. Поэт и время // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 371.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Цветаева М. Из письма к Е. Черносвитовой, 15 января 1927г. // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 403.

⁵⁵ Штейнер Р. Вторая лекция из цикла «Экскурс в область Евангелия от Марка». Библ. 124, Берлин, 24 октября 1910.

⁵⁶ Цветаева М. Нездешний вечер // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 118.

⁵⁷ Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л.: Эго, 1991. С. 16.

⁵⁸ Цветаева М. Земные приметы // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 305.

⁵⁹ Штейнер Р. Теософия. Ереван: Ной, 1990. С. 137.

⁶⁰ Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: СП Интерпринт, 1992. С. 90.

⁶¹ Цветаева М. Земные приметы // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 311.

⁶² Там же. С. 314.

⁶³ Штейнер Р. Из доклада «Любовь и ее значение в мире», 27 октября 1912 г. (машинопись).

⁶⁴ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 29 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 617.

⁶⁵ Цветаева М. Чердачное (из московских записей 1919/1920 г.). // Цветаева М. Поклонись Москве. М.: Московский рабочий, 1989. С. 414.

⁶⁶ Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 25 ноября 1924 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 693.

⁶⁷ Ей же, 8 января 1925 г. // Там же. С. 709.

⁶⁸ Цветаева М. Из письма к Т. Кваниной, 17 ноября 1940 г. // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 549.

⁶⁹ Риттельмайер Ф. Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.; Обнинск, 1991. С. 124, 126.

⁷⁰ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 28 августа 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 586.

⁷¹ Штейнер Р. Философия свободы. Ереван: Ной, 1993. С. 52.

⁷² Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 12 апреля 1925 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 736.

⁷³ Цветаева М. Земные приметы // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 302.

⁷⁴ Штейнер Р. Послание Михаила. Лекция от 23 ноября 1919 г. Библия, 194, 2-е издание. Дорнах, 1977.

⁷⁵ Цветаева М. Письмо к М. Волошину // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 47.

⁷⁶ Цветаева М. Флорентийские ночи // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 262.

⁷⁷ Штейнер Р. Как достигнуть познания высших миров. Ереван: Ной, 1992. С. 148.

⁷⁸ Цветаева М. О благодарности // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 323.

⁷⁹ Штейнер Р. Миссия земли. Из цикла «Земной и космический человек», Берлин, 14 мая 1912. Библия, 133.

⁸⁰ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 29 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 616.

⁸¹ Цветаева М. Флорентийские ночи // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 262.

⁸² Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 29 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 617.

⁸³ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 25 сентября 1923 г. // Там же. С. 611.

⁸⁴ Цветаева М. Из письма к С. Андрониковой-Гальперн, 26 июня 1926 г. // Огонек, 1988. №3. С. 25.

⁸⁵ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 5 и 6 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 601.

⁸⁶ Цветаева М. Флорентийские ночи // Новый мир, 1985. №8. С. 159.

⁸⁷ Цветаева М. Из письма к А. Эфрон, 27 января 1941 г. // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 371.

⁸⁸ Белкина М. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988. С. 10.

⁸⁹ Цветаева М. Земные приметы // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 311.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 322.

⁹² Цветаева М. Из письма к Ходасевичу, 15 апреля 1934 г. // Там же. С. 529.

⁹³ Штейнер Р. Как достигнуть познания высших миров. Ереван: Ной, 1992. С. 29.

⁹⁴ Там же. С. 27.

⁹⁵ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 6 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 603.

⁹⁶ Альманах «Здесь и теперь», 1992. №2. С. 233.

⁹⁷ Цветаева М. Флорентийские ночи // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 254.

⁹⁸ Цветаева М. Из письма к Б. Пастернаку, 11 февраля 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 234.

⁹⁹ Кудрова И. Версты, дали... М.: Советская Россия, 1991. С. 91.

¹⁰⁰ Цветаева М. Из письма к Пастернаку, 10 июля 1926 г. // Р. М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 169.

¹⁰¹ Цветаева М. Наталья Гончарова // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 371.

¹⁰² Цветаева М. Из писем к А. Бахраху, 25 июля, 9 августа 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 577, 591.

¹⁰³ Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 1 октября 1925 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 760.

¹⁰⁴ Цветаева М. Из письма к А. Тесковой, 29 марта 1936 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 436.

¹⁰⁵ Из письма к Ю. Иваску, 4 июня 1934 г. (машинопись).

¹⁰⁶ Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: «Сов. писатель», 1992. С. 269.

¹⁰⁷ Штейнер Р. Мой жизненный путь. Гл. 3.

¹⁰⁸ Прокофьев С. О. Рудольф Штейнер и краеугольные мистерии нашего времени. Ереван: Ной, 1992. С. 63.

¹⁰⁹ Цветаева М. Искусство при свете совести. М., 1993. С. 35.

¹¹⁰ Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 27 декабря 1924 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 701.

¹¹¹ Цветаева М. Из письма к О. Е. Колбасиной-Черновой, 19 января 1925 г. // Там же. С. 711.

¹¹² Цветаева М. Из письма критику, 1923 г. // Новый мир, 1969, № 4. С. 194.

¹¹³ Цветаева М. Из письма к Б. Пастернаку, 19 ноября 1922 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах.

Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 225.

¹¹⁴ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 10 сентября 1923 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 607.

¹¹⁵ Цветаева М. Из письма к С. Андрониковой-Гальперн, 12 января 1932 г. // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 523.

¹¹⁶ Цветаева М. Из письма к А. Черновой, 1 апреля 1925г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 670.

¹¹⁷ Штейнер Р. Духовно-научная разработка социальных и педагогических вопросов. 22 июня 1919 г. Библ. 192.

¹¹⁸ Цветаева М. Из письма к Б. Пастернаку, 1 января 1927г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 267.

¹¹⁹ Цветаева М. О благодарности // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 321.

¹²⁰ Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л.: Эго, 1991. С. 42.

¹²¹ Там же. С. 61.

¹²² Альманах «Здесь и теперь», 1992. №2. С. 232.

¹²³ Антропософия рассматривает высшие по сравнению с землей духовные царства, где есть некие высшие духовные существа, которые не снизошли до воплощения в физическом теле. Например, Ангелы — те, что следят за внутренней эволюцией каждой отдельной личности (сравни: «Ангел-Хранитель»), Архангелы — направляют развитие отдельных народов или рас (сравни: «Душа народа»), Начала — «Духи времени», управляют группами, выходящими за пределы рас и национальностей. Существуют и более высокие духовные существа — Господства, Силы, Власти и т. д. См: Штейнер Р. Мир, земля и человек. Цикл лекций. Штутгарт, 1908.

¹²⁴ «Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке». СПб.: Акрополь, 1992. С. 52.

¹²⁵ Там же. С. 76.

¹²⁶ Цветаева М. Поэты с историей и поэты без истории

- // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 109.
- ¹²⁷ Цветаева М. Земные приметы. // Цветаева М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1988. С. 314.
- ¹²⁸ Цветаева М. Из дневника. Смерть Стаховича // Там же. С. 289.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 291.
- ¹³¹ Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л.: Эго, 1991. С. 254.
- ¹³² Там же. С. 256.
- ¹³³ Там же. С. 257.
- ¹³⁴ Цветаева М. Герой труда // Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 144.
- ¹³⁵ Кочеткова Г. К. Дом Цветаевых. Иваново, 1993. С. 68.
- ¹³⁶ Цветаева М. Из письма к Ю. Иваску 1934 г. (машинопись).
- ¹³⁷ Цветаева М. Из письма к П. Юркевичу, 21 июля 1916 г. // Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 25.
- ¹³⁸ Слоним Марк. Марина Цветаева // Русская мысль, 16 октября 1992. № 3960. С. 7.
- ¹³⁹ Цветаева М. Из письма к А. Бахраху, 25 июля 1923 г. / Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Том 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 578.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 574.
- ¹⁴¹ Воспоминания Н. Резниковой // Литературная газета «Досье», 1992. № 9. С. 10.
- ¹⁴² Цветаева М. Запись из дневника 1940 г. // Цветаева М. Поклонись Москве. М.: Московский рабочий, 1989. С. 491.
- ¹⁴³ Альманах «Здесь и теперь», 1992. № 2. С. 232.
- ¹⁴⁴ Риттельмайер Ф. Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.; Обнинск, 1991. С. 19.
- ¹⁴⁵ Два обращения Рудольфа Штейнера к русским антропософам. Хельсингфорс, 1912 и 1913 г. Лекция 1. С. 19 (машинопись).

Рудольф Штейнер. 1916 г.

*Марина Цветаева.
1911 г.*

*«Не изящная хрупкость, а — строюсть, очерченность,
сила и удивительная прямизна стана...»*

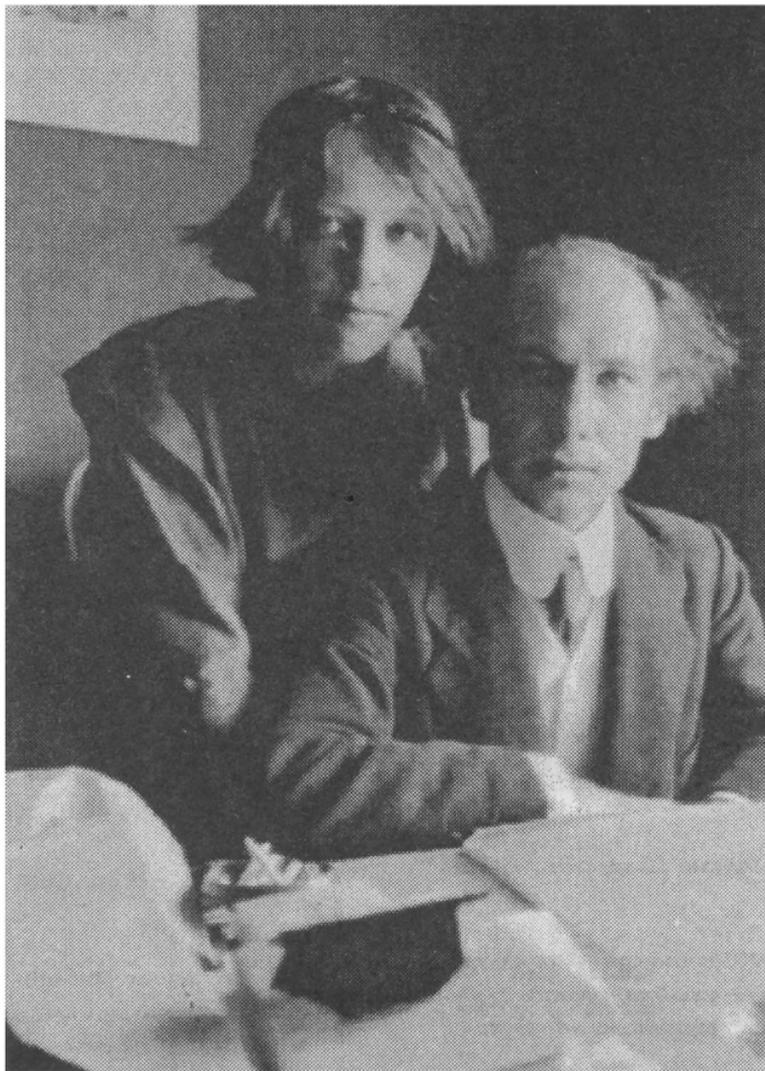
*Рудольф Штейнер
на лекции...*

«Была какая-то энергия прямизма, которой, казалось, целиком был охвачен этот человек».

Цветаева встречала их в поэтическом кружке при «Мусагете».

Лев Львович Кобылинский (Элис).

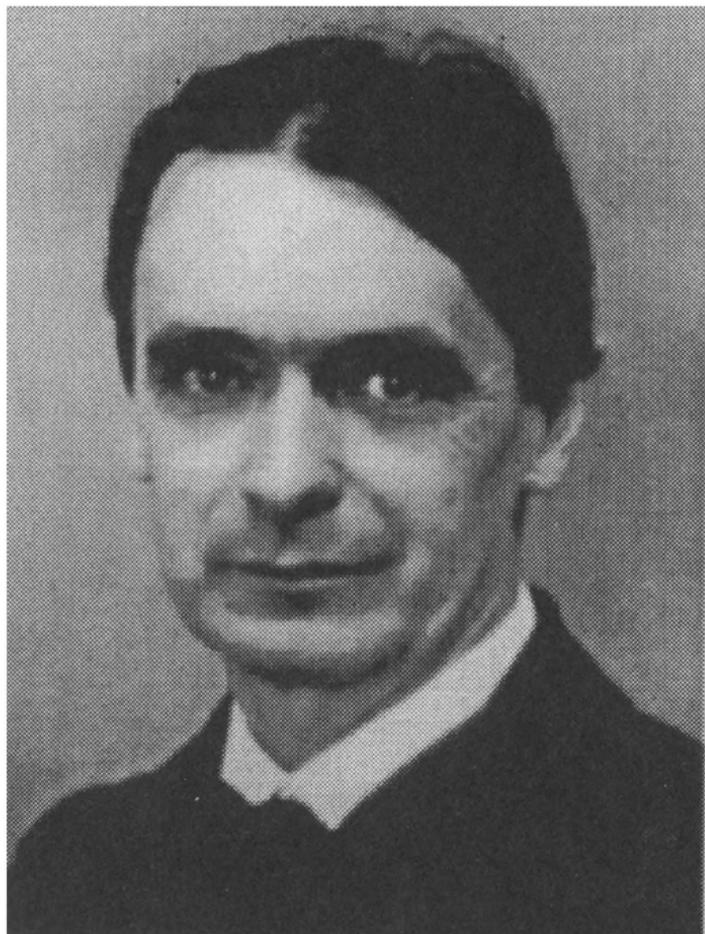

Андрей Белый и Ася Тургенева.

Марина Цветаева. 1917 г.

*«У Цветаевой был взгляд — внутрь и в суть
и — улыбка-разгадка; улыбка мимовенно
созвученному образу».*

Рудольф Штейнер. 1915 г.

*«Иногда казалось, что взгляд его иде-то в глубине
слегка увлажнялся, и тогда в нем точно сверкало
расплавленное золото...»*

Жена Рудольфа Штейнера, Мария Штейнер фон Сиверс.

Марина Цветаева и Сергей Эфрон. 1911 г.

Марина Цветаева. Прага. 1923 г.

«Она говорила негромко, быстро, но отчетливо, опустив большие светло-зеленые глаза и не глядя на собеседника...»

*Дом в Москве, в котором М.Цветаева жила с 1914 по 1922 г.,
теперь — дом-музей М.Цветаевой (Борисолебский пер., д.6).*

Рудольф Штейнер. 1923 г.

Марина Цветаева. Прага. 1924 г.

«А помните штейнеровское: Auf Weidersehen!..»

Первый Гетеанум.

Дом Слова (Первый Гетеанум)

Антропософское движение, расширяя поле своей деятельности и привлекая к себе все новых сторонников, стремилось найти и видимое выражение в мире. В 10-е годы в Мюнхене с успехом шли постановки четырех драм-мистерий Р. Штейнера «Врата посвящения», «Испытанные души», «Страж порога» и «Пробуждение душ». Зарождался и новый вид искусства — эвритмия. Особый характер всего антропософского творчества, сочетающего в себе элементы материального и сверхчувственного, требовало и особой формы здания, которая тоже должна была говорить «новым языком». Первоначально планировалось построить такое здание в Мюнхене, но реализация проекта затягивалась. Вскоре пришло предложение от одного частного лица начать такое строительство в Швейцарии. И вот на одном из Дорнахских холмов начал возводиться Дом Слова, или Гетеанум.

Это название говорит о том, как глубоко связывал Рудольф Штейнер антропософию с личностью Гете. 20 сентября 1913 года был заложен краеугольный камень первого Гетеанума, а весной 1914 года Штейнер переселяется в Дорнах, чтобы самому руководить строительными работами. Им был разработан проект двухкупольного здания.

В годы первой мировой войны, когда из Эльзаса доносился грохот орудий, на строительстве духовного храма совместно работали представители восемнадцати народов Ев-

ропы. Факт сам по себе знаменательный, тем более что все строительство осуществлялось на добровольные пожертвования сторонников антропософии. Среди тех, кто приехал сюда участвовать в общем деле, в которое они верили, было много русских учеников Р. Штейнера: это А. Белый, сестры Тургеневы, М. Волошин, М. Сабашникова и ее брат А. Сабашников, и др.

Двухкупольность здания как бы подчеркивала двухсторонность деятельности, выраженную как: сознание дающее — сознание получающее, «Я» и мир, макрокосм и микрокосм. Большая часть здания была облицована деревом. Оба купола изнутри были расписаны, причем малый купол был в основном расписан самим Р. Штейнером.

Здание было предназначено для докладов, драматического и музыкального искусства, а также для эвритмии. В новогоднюю ночь с 1922 на 1923 год с двенадцатым ударом колоколов здание загорелось. Всю ночь полыхал пожар, и к утру почти ничего не осталось. «Мощь огня победила волю людей...» — сказал кто-то из очевидцев. Первыми словами, которые собравшиеся утром услышали от Штейнера, были: «Мы будем дальше исполнять свой внутренний долг на том месте, которое нам еще оставлено».

В 17 часов следующего дня была оборудована столярная мастерская, где Штейнер начал свой очередной доклад следующими словами: «Великая боль умеет промолчать о себе. То, что с любовью и преданностью возводилось многочисленными друзьями нашего движения на протяжении десяти лет, уничтожено за одну ночь».

В дальнейшем Р. Штейнер отдал много сил разработке нового проекта Гетеанума. Уже в марте он представил модель второго Гетеанума, который предполагалось строить из бетона и другой формы. Он возводился уже после смерти Рудольфа Штейнера.

Деревянная скульптурная группа

Деревянная скульптурная группа, сделанная Р. Штейнером, должна была стать средоточием всего внутреннего пространства первого Гетеанума. Во время пожара она не пострадала, так как находилась еще в мастерской. В настоящее время она находится в здании второго Гетеанума.

В группе показаны три мировые силы, действующие как в Космосе, так и в человеке. Штейнер часто говорил о них в своих докладах. «Люцифер» — это та сила, которая хочет воспламенить душу и превратить человека в своенравное эмоциональное существо. Поднятой рукой Христос энергетически удерживает сложную форму, похожую на ухо, — это царство Люцифера. Все художественное творчество связано с Люцифером, он питает вдохновение, но Люциферу угрожает падение в бездну. Христос противодействует этому падению.

«Ариман» же, наоборот, хочет сделать человека душевно костным, рассудочным и холодным. Внизу — царство Аримана, плотная окостенелая материя. Сам Ариман страдает от самого себя. Между этими двумя экстремумами должна быть уравнивающая сила. Она изображается посредством средней фигуры, которую Р. Штейнер называл «Представитель человечества» и в которой дан образ Христа. Христос очеловечивает оба эти царства. Вся скульптурная группа выражает Троичность Бытия. В ней отчетливо показано, что зло двулико, а Бог — сила, погашающая двуликое зло. Штейнер часто в беседах называл эту группу Новой Изидой. Он считал, что в наше время люди созрели для того, чтобы покров Изиды, который в древнеегипетские времена скрывал ее от непосвященных, был снят. Человек должен беспрерывно взирать на Изиду.

Смущение П. А. Кузнецова о судьбах

мелк сестры, Евгение в бронировало как
кого предельно значиме. В характерно беру
Феликс вводит язык, не мнн, вступит
пробл устроить ~~в~~ вечер востежанн, содей-
ком абстра. Неприятно ево - занежеленно
и, переживаясь руды край впереконны, переж
- через Керману и Туркмену? разведанно
абстра как чувств, Лисов, мннко, продел
речи и кавесу всех изморожено, - в томпуго
не сам абсо, естествен. Как мннко и руде
- востежанн абсо, в руде еи не мннко мннко
рабурну, абсо, востежанн - еи и востежанн, с а. н.
Мннко востежанн не мннко востежанн, но и
данн абсо, востежанн еи абсо, востежанн

свои пав в еи востежанн.
Феликс востежанн востежанн. Востежанн
де Керману, востежанн востежанн востежанн
10 марта 1900. Востежанн востежанн не востежанн.

Верьте музыке...

Размышления над стихотворением Марины Цветаевой «Бузина»

*Отзыв Анастасии Ивановны Цветаевой о сочинении
Т. Кузнецовой «Верьте Музыке...»*

*Сочинение Т. В. Кузнецовой о стихах моей сестры
«Бузина» я восприняла как нечто предельно значимое.
Я намеренно беру такой холодный язык, не мой, общий,
чтобы умерить костер впечатлений, созданный авто-
ром. Написанное ею — замечательно и, переливаясь
через край выражения, рвется — через Маришину
«Бузину», разобранныю автором так глубоко, высоко,
широко, протянув руки по колесу всех измерений, —
к вопросу, кто же сам автор, сумевший так мыслить
и чувствовать: этот автор должен не только
понимать, разделять, называть — но и созидать, сам.
Иначе пропадет не только возможность, но и доли
автора этой сочинения стать автором своих тем,
в нем дремлющих.*

*Желаю ей добрый путь в творчество. И благодарю за
Маришу, что достаточно небывало в моем опыте.*

*10 марта 1990. Анастасия Цветаева,
на 96-м году.*

*Стихи — как все, что чрезвычайной важности
(и опасности!), — письмо зашифрованное.
Книга должна быть исполнена читателем,
как соната. Знаки — ноты.
В воле читателя — осуществить или исказить.*

Марина Цветаева.

Из записных тетрадей 1919 — 1926 гг.

Вершины цветаевской поэзии приближаются к тому пределу, за которым начинается чистая музыка. Музыкальность как дар досталась ей от матери-пианистки, мечтавшей сделать из одаренной девочки — музыканта.

«Мать залила нас музыкой. (Из этой музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли — на свет дня!)».

(«Мать и музыка», 1935 г.)

Но у Марины оказалось иное стихийное начало: поэзия, «которая всего лишь *другая* музыка!».

Небольшое отступление в сторону. Если в музыке сравнивать полифонию с одноголосьем, то совершенно очевидно, что полифония является более сложным, богатым и ярким выражением жизни, чем простое одноголосное звучание с акком-

панементом. В полифонии отдельные голоса (их может быть до пяти и более) — равноправны, индивидуальны и задают многокрасочность произведению. Они могут то выходить на первый план, то отступать на второй и третий, но никогда не выпадают из общего смыслового характера всей вещи. Вершиной полифонии в музыке остаются прелюдии и фуги Баха из «Хорошо темперированного клавира» — этой своеобразной энциклопедии полифонического искусства и настоящего Евангелия для каждого большого художника.

Поэзия и музыка идут рядом в искусстве, они наиболее чутко воспринимают голоса времени и непосредственно проникают в душу человека. В XX веке поэтический язык настолько усложнился, что поэту потребовалось взять у музыки идею полифонического звучания, чтобы в полной мере воплотить всю глубину и сложность своего замысла. Лидером в этом «заимствовании» бесспорно является Марина Цветаева, «ребром и промыслом певчая». Так, в стихотворении «Бузина», создававшемся ею в период с 11 сентября 1931 года по 21 мая 1935 года, разыгрывается целая полифоническая пьеса.

Бузина

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане,
Зелена — значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — в очах краснó
От бузинной пузырьчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины — до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус —
Блеск, запекшейся крови — вкус!

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст, —
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь — хунхузу, Кавказ — грузину,
Мне — мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова
Бузина (по сей день — ночьюми...),
Яда — всосанного очьми...

Бузина багорова, багорова!
Бузина — цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь — бузиной
Назвала...

Допустим, что мы не готовы к многоголосному восприятию этого стихотворения, т. е. ничего об этом не знаем. Что же мы тогда ощущаем при первом прочтении? Что встает на *первом плане*?

Живое видение образа: куст бузины, весь усыпанный созревающими ягодами, все этапы зрелости этой «бузинной пузырьчатой трели» от начала лета до зимы. Куст этот олицетворяет воспоминания детства, невозвратность его, невозможность повторения тех чувств, тех дней... Этот образ Цветаева выплескивает, щедро пользуясь богатейшим арсеналом всех своих средств: великолепие и неожиданность метафор, четкость и непредсказуемость сравнений, понятий, поворотов... А чисто цветаевское личное отношение к образу, подчеркнутое ритмикой, ударностью и звукописью отдельных строк, передает нам в полной мере все ее чувства: воспоминания детских лет, ностальгию по

ушедшим временам, тоску по утраченной Родине и всего, связанного с ней. И даже помимо смысла эта пьеса одним лишь своим звучанием уже достигает сильнейшего воздействия на слушателя или читателя.

Кажется, это все?

Но вчитаемся глубже... И вот уже проступает *второй план*, звучит другой мотив, проявляется другая тема. Вторая тема — тиха, неявна и не всегда слышна за яркими красками звуковой палитры первой темы. Чтобы она как-то сказалась для читателя, ему, конечно, здесь надо знать биографию поэта. Марина Цветаева повествует нам о самой себе: о своем росте и созревании.

Вначале («Зелена — значит, лето в начале!») — это девочка со всеми надеждами молодости, когда кажется, что будет «Синева — до скончания дней!». Потом идет взросление ее, как зреют ягоды бузины от зеленых (а параллельно: «Бузина моих глаз зеленей!») до такой пламенной смеси («Кумача, сургуча и ада — смесь...»), что «в очах красно».

Зная, с какой страстью Марина в детстве отдавалась своим увлечениям, сравним с этими строками ранние цветаевские стихи:

...Все слишком есть —
Во мне. — Все каторжные страсти
Свились в одну! —
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну!

1915 г.

Так же страстно она увлеклась и революционным движением («детской жажды моей багровой»).

«Три года (с 1905-го по 1907-й) она буквально бредила революцией», — пишет в своих воспоминаниях А. И. Цветаева. События первой русской революции застали семью в Ялте. Марина потянулась к революционерам, убежала на их тайные сходки, из-за чего не раз были столкновения с матерью. А казнь ее кумира — лейтенанта Шмидта — незаживающей раной долго жила в ее потрясенной горем душе:

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

И позднее, после смерти матери, уже гимназисткой, она часто смущала покой начальства своей революционностью. Эта «мятежница с вихрем в крови» просто дышала революцией: приносила запрещенную литературу, спорила о новых людях, влияла на своих подруг.

Постепенно эта горячая увлеченность, «красней кори на собственном теле», прошла, как проходит детская болезнь. (Она сменилась другим увлечением: Наполеоном и его сыном «Орленком»).

Это были годы роста:
Рост — жесток.
Я не расцветала просто —
Как цветок.

— напишет она позже, в 16 лет.

Зрелость же приходит с первыми вкусными ягодами — «слаще яда!». Заметим, что соседство двух парадоксальных слов уже придает тревожный оттенок этому мотиву, в то время как в начале стихотворения сравнение «как плесень на чане» и затем — «красней кори на собственном теле» только настораживали слух. Вкусовые ощущения от ягод — это уже жизненный опыт, отнюдь не детский: «запекшейся крови — вкус!».

Красные ягоды бузины воплощают образ мятежности, страстности природы, «ростопчинский костер» души, не знающей меры. Эта тема, поначалу мажорная («Синева — до скончания дней!»), затем, по мере созревания ягод и взросления героини, переходит в минорную тональность («А потом — водопад зерна, а потом — бузина черна») и к концу приобретает грозное, роковое звучание:

Бузина багрова, багрова!
Бузина — цельный край забрала
В лапы...

Так, переплетаясь, то сливаясь в один, то сменяя друг друга, звучат эти два мотива стихотворения.

Теперь, казалось бы, темы исчерпаны?
Но почему в последних строках:

Я бы века болезнь — бузиной
Назвала...

Что это за болезнь века?

* * *

Марина Цветаева вообще придавала очень большое значение последним строкам любого стихотворения. В «Нездешнем вечере» она писала, что «всякие стихи написаны — ради последней строки, которая приходит первой».

Вслушаемся... и услышим сквозь голоса первых двух нарастающий голос *третьей темы*. Чтобы он прозвучал для читателя, ему необходимо знать не только биографию поэта, но и прочесть многое из его прозы, писем и дневников, что значительно расширит и углубит представления о его личности. И тогда читатель будет просто потрясен бетховенским масштабом этой темы!

Цветаева говорит о расколе мира на две огромные исторические эпохи, который пришелся на годы ее молодости, и своей позиции поэта и человека в этом процессе. Называя бузину — болезнью века, она тем самым как бы меняет масштаб восприятия, переходя от своей личной судьбы к судьбе своего века, с которым вместе росла. Можно проследить, как постепенно мятежность детской души перерастает в мятеж всей страны, а к концу стихотворения и в мятеж всего века. Назвав этот мятеж болезнью, Цветаева говорит о своем отношении к тому, что происходило.

Дочь Цветаевой — Ариадна Эфрон — в 1967 г. в письме к П. Антокольскому напишет о своей матери:

«Между десятилетиями ее возраста проходили *столетия* роста; между нею 22-го года и 32-го — бездна, или вершина; и то и другое: спуск в глубины — подъем к вершинам от поверхности (горизонтали)».

Марина Цветаева быстро опережала свой век и поэтому могла более здраво, чем остальные, оценивать его болезни. Она всегда четко осознавала свою позицию в той эпохе, в которой жила:

«Это – эпоха (1900 г. по 1937 г.), — пишет она А. А. Тесковой в 1937 г. — Между этими датами — двух всемирных выставок — кончился один мир и начался новый. Я осталась в старом».

Или еще раньше ей же в 1936 году:

«Оборот назад — вот закон моей жизни. Как я при этом могу быть коммунистом? И достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! *Мы — последние могикиане*)».

Этот лейтмотив, очень важный для понимания мировоззрения величайшего поэта XX века Марины Цветаевой, часто звучит в ее письмах 30-х годов.

Из письма Ю. Иваску (1934 г.):

«Может быть, мой голос соответствует эпохе, я — нет. Я ненавижу свой век и благословляю Бога, что родилась в прошлом веке. Благословляю Бога за то, что застала то, конец того, что есть конец царства человека, т. е. Бога, или хотя бы божества: верха над низом. Ненавижу свой век потому, что это век организованных масс, которые не есть стихия. «Изнизу» организованных, не упорядоченных, а именно организованных, т. е. ограниченных и лишенных органичности, т. е. своего последнего...»

Мы — есть. Но мы — последние...

Эпоха не столько против меня, сколько я против нее, я ее действительно ненавижу, все это царст-

во будущего, на нее наступаю не только в смысле военном, но буквально — ногой: пятой на главу Змия...

Эпоха против меня не лично, а пассивно, я против нее активно.

Я ее ненавижу. Она меня не видит».

Но вернемся к стихотворению «Бузина». Теперь, когда мы прикоснулись к ее душе, строфы:

Бузина казнена, казнена!
Бузина — цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,

и т. д. могут быть восприняты более широко. Это не просто воспоминание о первой русской революции и, может быть, о казни ее кумира — лейтенанта Шмидта, это казнь всей эпохи XIX века, эпохи «юных и чистых», которая вместе с «кровью сердца — твоей, моей...» ушла навсегда. Плоды этого процесса отнюдь не светлые:

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой
Возле дома, который пуст, —
Одинокий бузинный куст.

(Здесь мне хочется дать сугубо личную ассоциацию. Мне в этих строках так и видится: Чернобыль. Брошенный семьей дом с садом. Созревают плоды, но они никому не нужны... Как будто она предугадывает этим другую болезнь нашего века: Чернобыль!

Вспомним ее жуткое замечание: «Стихи сбываются. Поэтому *не все* пишу». А в ответ на вопрос, заданный ей в Москве перед войной в 1940 году: «Вы сейчас не пишете стихов?» — прозвучало: «Я не позволяю себе писать. Если бы я стала писать, камни с мостовой затрещали бы!»).

В стихотворении есть одно грамматически незавершенное шестистишие (предпоследнее). Обращаясь к «новоселам моей страны», Цветаева не заканчивает фразу. Моя версия концовки такова.

«Новоселами моей страны» она называет тех, кто, говоря словами Маяковского, «вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден», т. е. советских граждан, оставшихся в России и принявших новый политический режим. Но она, в отличие от Маяковского, который «с теми, кто вышел...», не может быть среди них. Почему? Об этом можно догадаться, зная всю ее предшествующую судьбу, письма и стихи этого периода.

Из письма к А. А. Тесковой 1936 года:

«Я в Москву *не хочу*. жуть! (Детство — юность — Революция — три *разные* Москвы: точно живьем в сон, сны — и *ничто* не похоже! Все — неузнаваемо!)».

Стихотворение 1931 года «Страна»:

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет.
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюда:
Донышко блестит!
Можно ли вернуться
В дом, который срыт?

Заново родися!
В новую страну!
Ну-ка воротися
На спину коню

Сбросившему! (Кости
Целы-то — хотя?)
Эдакому гостю
Булочник — ломтя

Ломаного, плотник —
Гроба не продаст!
Той её — несчетных
Верст, *небесных* царств,

Той, где на монетах —
Молодость моя,
Той России — нету.
Как и той меня.

Мы знаем, какие трагедии на нее обрушились в годы революции и гражданской войны: муж пропал без вести, умерла от голода младшая дочь Ирина, и чуть не умерла старшая — Аля... По-видимому, следующие строки стихотворения есть отражение этих событий:

...(По сей день — ночью!),
Яда — всосанного очьми...

Итак, незавершенное шестистишие, на мой взгляд, как бы заканчивается словами: я не могу быть среди вас. Но возможна и иная трактовка...

Переболев, как корью, революцией в детстве, взрослея быстрее своего века, Марина Цветаева восходила к новым вершинам. Но век распорядился иначе: он этот революционный мятеж ее детства взял и привел к власти:

Бузина багрова, багрова!
Бузина — цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти.

И теперь, когда ее детская революционность превратилась в настоящую, жесткую и кровавую политическую власть, то чистое, невинное чувство «детской жажды моей багровой» представляется ей как:

Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.

Победителей Марина Цветаева не любила никогда, а любила всегда одиноких, погибающих, обреченных. Поэтому и в 17-м году она воспевала белое движение, чувствуя его заведомую обреченность, а не победоносную силу красных. В одной из пометок 1938 года к своей поэме «Перекоп», писавшейся в 1928—29 годах, она замечает: «И вот, двадцать лет спустя, повторяю: Христос на Руси в тот час укрывался за пазухой добровольца. *весь* Христос — за *тощей* пазухой добровольца...».

Ей не нужна бузина, которая так пышно разрослась, победив целый край, не нужны «Дворцы Искусств» и множество прочих лишних для нее вещей, а как насущное, родное, свое нужен «только этот бузинный куст» ее детства. Она часто говорила, что, кроме своего детства, так ничего больше на свете и не сумела полюбить.

Еще лучше уяснить три последних шестистишия поможет следующее ее интересное высказывание в письме 1935 года А. А. Тесковой из курортного местечка Cote d'Azur в Фавьере:

«Мне вовсе не нужно такой красоты, *столькой* красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза и т. д. С меня достаточно — *одного* дерева в окне... Меня эта непрерывность красоты — угнетает. Мне *ничем* отдарить. Я всегда любила скромные вещи: простые и пустые места, которые никому не нравятся, которые *мне* доверяют себя сказать — и меня — я это чувствую — любят. А любить — Cote d'Azur — то же самое, что двадцатилетнего наследника престола, — мне бы и в голову не пришло...

...Так же как не могла бы любить премированную собаку, с паспортом высокорожденных дедов и бабок (то, из-за чего обыкновенно и любят!)

Активно не принимая новой эпохи, всегда оставаясь в меньшинстве, Марина Цветаева тем не менее была современником своего века в самом высоком понимании этого слова. Она говорила:

«Я идейно и жизненно могу отставать, отстаю, ушедшее — там за краем земли оставшееся, отстаиваю, а стихи сами без моего ведома и воли выносят меня на передовые линии».

И еще:

«Быть современником — творить свое время, а не отражать его, то есть с девятью десятками в нем сражаться.

Современность в искусстве есть воздействие лучших на лучших, т. е. обратное злободневности: воздействию худших на худших...

Современник: всегда меньшинство.

Современность есть совокупность лучшего».

(«Поэт и время», 1932 г.)

Это было сказано в 1932 году. И стихотворение «Бузина» было написано в эти же годы (1931 — 1935). Прошло более 50 лет, и мы видим, как права оказалась Марина Цветаева, «внутри зрящая», этот одинокий Дух, который мерил свое время совсем иными мерками, чем большинство так называемых «зрячих».

Она считала, что поэт состоит как бы в насильственном браке со своим временем, из которого постоянно рвется дальше, к Вечности, к Богу...

Болезнь XX века, которую она имеет в виду, — это мятежность, переросшая во всеобщую увлеченность романтикой революционной борьбы, когда в жертву идее Революции приносилось все, вплоть до собственной жизни. Захваченность вихрем Революции и идеей коммунистического будущего приводила к представлению о коммунизме как о *единственном и неоспариваемом* средстве устройства счастливого будущего на земле в ущерб всем духовным достижениям человечества, которые так расцвели к началу XX века — поистине «се-

ребряного века» нашей культуры. Вот как она об этом пишет в том же 1932 году:

«Но равно как земное устройство не главнее духовного, равно как наука общежития не главнее подвига одиночества — так и коммунизм, устроитель земной жизни — не главнее всех двигателей жизни духовной, ни надстройкой, ни пристройкой не являющейся...

Служение своему времени есть заказ с отчаяния. Только данная минута века, только эта мера веса у атеиста и есть, обратный и родной лик «лови момента», ибо дальше крышка. Царство земное с отчаяния в Царстве Небесном.

Атеисту ничего не остается кроме земли и ее устройства.

Прогресс? Но доколе? А если и до конца планеты — продвижение вперед — к яме?».

(«Поэт и время», 1932 г.)

Иногда возникает мысль: почему вообще воспевается бузина, а не рябина, например, — тоже красная ягода ее детства? Это не кажется случайностью... Видно, все дело в том, что бузина — несъедобная, ядовитая ягода. За внешней привлекательностью, восхищающей глаз:

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!

таится опасность «яда — всосанного очьми», «запекшейся крови — вкус...».

Сейчас диагноз болезни как будто поставлен. Люди, одумавшись, не рвутся так вслепую к свет-

лому будущему, а оглянулись назад: по крупицам собирают, реставрируют, восстанавливают остатки так ею любимого «старого мира», чуть было не исчезнувшего с лица России. Только с этим старым миром, не утрачивая его духовной высоты и многообразия, не нарушая эту текучую связь, мы можем идти в будущее. Иной путь — гибелен. Обо всем этом в тридцатые годы среди немногих одиночек пыталась говорить и Марина Цветаева, но это был глас вопиющего в пустыне.

На этом нельзя поставить точку и сказать, что прочтение стихотворения «Бузина» исчерпано. Нет, как и всякий шедевр в искусстве, оно остается чудом и тайной... Может быть, еще придется не раз поражаться его новым глубинам при всем лаконизме выражения.

Пути искусства непредсказуемы... Люди XX века, уставшие от его болезней, войн и кровопролитий, вновь вызвали к жизни так необходимую им гармонию музыки Баха. Она, забытая было в прошлые столетия, оказалась самой нужной именно в наш беспокойный век. Так и цветаевская музыка сейчас звучит с новой силой: она нужна людям как хлеб насущный. Потому что Цветаева — это не просто стихи, это еще и понимание, осознание каждым своего места в этом больном современном мире.

А в XXI веке люди, наверное, будут по-своему, еще глубже понимать и открывать Марину Цветаеву, как сейчас мы открываем Чаадаева, Лермонтова, Достоевского, которые больше сказали нам, чем своим современникам. Стихия Цветаевой настолько

значима, что будет проступать сквозь века, как старинные фрески проступают сквозь множество слов побелки.

Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит,
Ибо музыка — динамит.

Список иллюстраций

В начале каждой главы использованы фрагменты росписи малого купола первого Гетеанума, выполненные Рудольфом Штейнером.

На стр. 8 — *«Представитель Человечества», стоящий между Люцифером и Ариманом.*

На стр. 18 — фрагмент фрески *«Фауст, ангелический младенец с парящим над ними гением».*

На стр. 46 — *персидско-германский посвященный, сохранивший душевные силы юности, над ним — борющиеся Люцифер и Ариман.*

На стр. 94 — *славянский человек с двойником, ангелом и кентавром.*

В концовках глав использованы карандашные наброски Р. Штейнера к росписи малого купола Первого Гетеанума:

На стр. 45 — *«Гений» для сцены с Фаустом.*

На стр. 93 — *маленький кентавр для фрески «Германско-персидский Посвященный».*

На стр. 106 — *Египетский Посвященный.*

На стр. 155 — *набросок к греческому мотиву.*

Оглавление

Вместо предисловия	8
Австрийский мыслитель и русский поэт на рубеже эпох. Точки соприкосновения.	18
Глазами современников	20
Встреча и отклик	28
Параллельные миры	46
Современность	48
Чувство правды	50
Любовь	54
Ясновидение или жизнь в двух мирах	63
Сон	71
Смерть	79
Марина Цветаева — поэт эпохи становления «души самосознающей»	94
Постскрипtum	107
Примечания	108
Иллюстрации	117
(Дом Слова) Первый Гетеанум	130
«Представитель человечества»	134
Приложение	
«Верьте музыке...»	136

К 891 Кузнецова Т.В.

Цветаева и Штейнер. Поэт в свете антропософии. — М.:
Присцельс, 1996. — 160 с., 15 илл.

Сопоставляются личности поэта и философа и прослеживается перекличка их идей и мыслей. В предисловии излагаются краткие сведения о духовных поисках в России в начале нашего столетия и связи личности Рудольфа Штейнера с русской культурой этого периода. Приводится фактический материал, позволяющий судить об их встрече в Праге в 1923 году.

В приложении дана более ранняя работа Т.В. Кузнецовой «Верьте музыке...».

ISBN 5—85324—027—7
ISBN 5—86508—058—X

ББК 84Р7-4

Татьяна Кузнецова

***Цветаева
и Штейнер***

Поэт в свете антропософии

Директор издательства

Елизавета Нестерова.

Руководитель отдела

Галина Бутенко.

Художественный консультант

Леонид Рабичев.

Оформление *Ольга Генерозова.*

Компьютерная верстка *Юрий Лопатин.*

Корректоры *Кристина Бутенко,*

Татьяна Христова.

Лицензия ЛР N 061335 от 23.06.1992 г.

Сдано в набор 27.02.1996 г. Подписано к печати 12.08.1996 г.

Формат 70x100 1/32. Печ. л. 5. Тираж 3000 экз.

Издание выпущено совместно с издательством «Русслит».

Издательство «Присцельс»:

109240, Москва, Яузская ул., д. 11, к. 1.

Тел.: (095) 915-37-69, тел./факс: (095) 915-37-95.

«Для России есть одно благо и называется оно теософия. Теософия станет для России единственным средством для того, чтобы русская народность нашла связь со своей народной душой. И чтобы эта народная душа была бы призвана выполнять в мире только те задачи, которые ей одной предопределены, а никакие иные».

Рудольф Штейнер

